Капитан
Головин
. . . .

A 171/1133

1133.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ КНИЖНАГО СКЛАДА А. М. КАЛМЫКОВОЙ.

КАПИТАНЪ ГОЛОВНИНЪ.

Японскій начальникъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1892.

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., 8.

Цѣна 20 коп.

А 171
1133

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

КАПИТАНЪ ГОЛОВНИНЪ,

ЕГО КРУГОСВѢТНОЕ ПЛАВАНІЕ И ПЛѢНЪ У ЯПОНЦЕВЪ.

ИЗЪ „ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ“.

Редакція А. А. Эрленвейна.

М.П.М.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Книжнаго склада А. М. КАЛМЫКОВОЙ.

Спб. Литейный пр., № 60.

Печатано съ 3-го изданія, внесеннаго въ «Катологъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія» (Журналъ М. Н. П. Февраль 1891 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Г. Салова. Мѣщанская, д. № 5
1891

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Іюня 1891 г.

2007098006

I.

Разъ вздумалось царю Александру Павловичу провѣдать народъ свой, что живетъ по тотъ бокъ Сибири, на Курильскихъ островахъ.

Вотъ призываетъ царь Василія Михайловича Головнина, самаго лучшаго моряка въ Россіи, и говоритъ ему: «ну, Василій Михайловичъ, сослужи, ты, мнѣ службу вѣрную, съѣзди, ты, къ моимъ курильцамъ, узнай, хорошо ли имъ живется, исправно ли они платятъ дани-выходы, да не притѣсняютъ ли ихъ мои приказные и обо всемъ мнѣ доподлинно отпишешь». — «Радъ служить Вашему Величеству», говоритъ Головнинъ. — «Я въ томъ увѣренъ, поэтому и выбралъ тебя. Только вотъ насчетъ дороги не знаю какъ лучше ѣхать будетъ: сухимъ путемъ черезъ Сибирь или моремъ?» «Осмѣлюсь доложить, Вашему Величеству, Сибирью ѣхать далече, къ тому же съ грузомъ тяжеловато будетъ. А водой не въ примѣръ легче, да и матросы наши обвыкнутъ къ морскому дѣлу». — «Твоя правда, Головнинъ», говоритъ ему царь, «водою лучше плыть; ступай, выбери себѣ корабль и поѣзжай съ Богомъ».

Головнинъ пошелъ въ *гавань*, гдѣ корабли стоятъ, намѣтилъ себѣ самый лучшій, по имени «Діана» (каждому кораблю особое имя даютъ), собралъ матросовъ, одѣлилъ ихъ теплою одеждою, деньгами, корабль снабдилъ провіантомъ на далекое плаваніе, въ помощники выбралъ себѣ капитана Рикорда и, когда все было готово, велѣлъ отчаливать отъ берега. Собрались родные и знакомые провожать матросовъ.

Подняли якорь, отпустили канатъ, распустили паруса и поплыли. Съ берега долго имъ махали вслѣдъ платками и шляпами, пока корабль не скрылся изъ виду.

Это дѣло было въ Петербургѣ въ 1807 г. Сначала поплыли по *Финскому* заливу, мимо города *Кронштадта*, потомъ пошли въ *Балтійское* море, проливомъ обогнули *Данію*, проплыли *Нѣмецкое* море и подошли къ *Англіи*, къ городу *Портсмутъ*. Тутъ Головнинъ узналъ, что англичане не хотятъ жить въ ладу съ русскими и не прочь повоевать съ ними; чтобы кораблю не было отъ нихъ въ пути задержки какой, Головнинъ выпросилъ себѣ паспортъ на свободный проѣздъ. Въ этомъ паспортѣ, было прописано, что корабль «Діяна» волент плавать по всѣмъ морямъ, и чтобы начальство англійское не чинило бы русскимъ никакихъ задержекъ въ пути. Англичане въ морскомъ дѣлѣ самый хитрый и самый бойкій народъ, кораблей у нихъ много и трудно ихъ осилить на морѣ.

каменныя. Только стѣны была закрыты холстиною. На холстѣ нарисованы окошки, а въ нихъ будто пушки стоятъ. Это японцы сдѣлали для того, чтобы русскіе не узнали, гдѣ у нихъ настоящія пушки стоятъ. Еще русскіе увидали неподалеко отъ этого города деревню.

Головнинъ сталъ думать, что ему дѣлать; «у насъ, говоритъ, нѣтъ ни дровъ, ни воды, а японцы не допускаютъ къ острову». Вотъ онъ велѣлъ офицеру своему нарисовать японскую крѣпость и свой корабль, и какъ японцы изъ пушекъ стрѣляютъ, а съ корабля нѣтъ. Изготовили картинку, онъ говоритъ матросамъ: «возьмите бочку и перегородите ее доской попаламъ. Въ одну сторону положите сарацинскаго пшена, полѣно и стаканъ воды. А въ другую положите денегъ, кусокъ сукна и хрусталю. А сверку положите вотъ эту картинку и пустите бочку къ берегу. Японцы увидятъ полѣно, увидятъ пшено, да стаканъ воды и скажутъ: «этимъ русскіе намъ заплатятъ». А картинку увидятъ, подумаютъ: «русскіе въ насъ не стрѣляютъ, а мы вотъ въ нихъ стрѣляемъ» и, можотъ быть, въ насъ тоже стрѣлять не будутъ».

Матросы взяли бочку, перегородили ее доской. Въ одну сторопу положили горсть сарацинскаго пшена, полѣно да стаканъ воды. А въ другую — положили денегъ и сукна. А сверху накрыли бочку картинкой и пустили ее къ берегу. Японцы увидали бочку и взяли ее.

Головнинъ повременилъ немного и говоритъ своему помощнику Рикорду: «японцы бочку взяли, а ничего намъ не даютъ. Ступай въ ихъ деревню и раздобудь воды и дровъ. Возьми съ собой нѣсколько матросовъ, денегъ, сукна и заплати имъ за дрова и за воду».

Рикордъ приходитъ въ ту деревню, а тамъ нѣтъ никого, японцы всѣ схоронились и добро свое все попрятали. Рикордъ нашелъ немного пшена и дровъ, а деньги за это оставилъ не берегу, чтобы видно было; воды во-все не взялъ, потому что тамъ вода была тухлая.

На другой день матросы увидали, что передъ островомъ плаваетъ бочка. Головнинъ говоритъ: это японцы намъ отвѣтъ прислали, и велѣлъ сейчасъ взять эту бочку на корабль. Въ бочкѣ нашли ящикъ, а тамъ три бумаги; на одной бумагѣ написано по-японски письмо, на другой нарисованъ русскій корабль, бочка и русская лодка. А въ японской крѣпости пушки задомъ на передъ стоятъ. На третьей бумагѣ нарисовано тоже, что на другой; только пушки въ крѣпости стоятъ прямо и японцы изъ нихъ стрѣляютъ.

Головнинъ разсмотрѣлъ всѣ эти бумаги и говоритъ: «вотъ на этой бумагѣ должно быть написано письмо; а вотъ на другой бумагѣ—картинка нарисована. На этой картинкѣ наша лодка за бочечкомъ идетъ, и пушки съ крѣпости по стрѣляютъ.—Когда мы къ берегу за бочкой ходили, японцы въ насъ

не стрѣляли.—А вотъ на третьей картинкѣ въ нашу лодку японцы стрѣляютъ, значитъ, если мы въ другой разъ пойдемъ къ берегу, то японцы въ насъ будутъ стрѣлять. Теперь мы не пойдемъ у нихъ просить воды, а поищемъ нѣтъ-ли гдѣ неподалеку рѣчки».

Матросы взяли ружья и поплыли вмѣстѣ съ Головнинымъ искать рѣчку. Нашли рѣчку, налили въ бочки воды и пошли назадъ на корабль. Вдругъ имъ на встрѣчу курилецъ идетъ: въ одной рукѣ несетъ деревянный крестъ, а другой крестится. Онъ очень боялся русскихъ.

Когда Головнинъ подошелъ къ курильцу, онъ еще больше испугался,—весь задрожалъ показываетъ на берегъ и что-то посвоему говоритъ. А Алексѣя тутъ не было, и некому было разобрать, что онъ говоритъ. Головнинъ подумалъ: «знать, это онъ меня на берегъ зоветъ»—и сказалъ ему: «хорошо, я пріѣду». Потомъ далъ курильцу нитку бисера. Курилецъ сталъ смѣлѣе и попросилъ у него табаку. Головнинъ далъ ему и табаку. Курилецъ ушелъ.

III.

Когда Головнинъ воротился на корабль, то взялъ съ собою пять человѣкъ матросовъ и Алексѣя и пошелъ съ ними къ берегу. Не много отошли отъ корабля,—имъ на встрѣчу *огода* (японскій началь-

никъ) выходитъ. Они остановились—и оягода тоже остановился. Головнинъ и говоритъ оягодѣ: «мы въ вашей деревнѣ взяли дровъ и пшена, и деньги за это положили на берегу. Довольны ли японцы этимъ, или нѣтъ?»—А оягода говоритъ: «довольны. Не нужно ли вамъ еще чего?»—«Намъ надо пшена побольше, да свѣжей рыбы».—Пойдемте, говоритъ, на берегъ: тамъ мы все дадимъ».

Головнинъ не пошелъ на берегъ—боялся,—что они его убьютъ:

На другой день японцы пустили опять бочку, а сами погребли отъ нея изо всей силы. Головнинъ посмотрѣлъ въ бочку, а тамъ деньги и сукно, которыя Рикордъ оставилъ въ деревнѣ. Онъ приложилъ еще денегъ и хотѣлъ идти назадъ. Тутъ на берегу японцы замахали руками и зовутъ къ себѣ Головнина. Онъ велѣлъ матросамъ схоронить ружья и сказалъ имъ: «дожидайтесь меня здѣсь. Когда я васъ позову, идите съ ружьями ко мнѣ на помощь». Самъ положилъ шесть пистолетовъ за пазуху и пошелъ къ японцамъ. На встрѣчу ему оягода,—идетъ, глаза опустилъ внизъ, а руки уперъ въ бока и шагаетъ очень широко, какъ черезъ канаву. За нимъ идутъ 20 человѣкъ солдатъ; всѣ въ шелковыхъ платьяхъ и съ саблямъ да съ кинжалами. Одинъ солдатъ держитъ шлемъ оягоды. На этомъ шлемѣ мѣсяцъ нарисованъ.

Головнинъ говоритъ оягодѣ: «отчего японцы не взяли денегъ, которыя мы на берегу положили?»—

А оягода говоритъ: «у насъ съ чужихъ людей берутъ деньги, когда совсѣмъ уговорятся». — «А зачѣмъ вы въ нашу лодку стрѣляли?» — «Мы посылали, говоритъ, на встрѣчу вамъ лодку, когда вашъ корабль къ нашему острову подходилъ, а вы прошли мимо. Мы думали, что вы пойдете на насъ войной».

(Оягода это выдумалъ: онъ никакой лодки не посылалъ на встрѣчу русскому кораблю. А выдумалъ это онъ для того, чтобы оттовориться какъ нибудь).

Потомъ оягода спрашиваетъ у Головнина: «куда, говоритъ, вы идете и зачѣмъ пришли на нашъ островъ *Кунашира*»—Головнинъ говоритъ: «мы шли домой въ Россію. У насъ на дорогѣ воды нестало, вотъ мы и зашли на вашъ островъ».

Какъ Головнинъ скажетъ что нибудь, оягода сейчасъ это запишетъ. А говорили они между собой какъ на островѣ Итурупѣ. Оягода говоритъ по своему одному японцу, а японецъ тоже самое говоритъ по-курильски Алексѣю, а Алексѣй пересказываетъ Головнину по-русски.

Потомъ оягода сталъ угощать Головнина чаемъ, табакомъ и сагою; а Головнинъ послалъ Алексѣя на лодку: «принеси, говоритъ, водки, да скажи матросамъ, чтобы были готовы, когда я ихъ кликну».

Когда Алексѣй принесъ водки, Головнинъ угостилъ оягоду и говоритъ ему: «намъ пора идти на корабль; дай намъ пшена». — «Я безъ главнаго на-

чальника, говоритъ, ничего не смѣю вамъ дать. Погодите онъ скоро придетъ». — А Головнинъ говоритъ: «намъ некогда его ждать, пора на корабль идти. Я приду завтра за шпеномъ».

Онъ простился съ ягодою и ушелъ.

Поутру онъ взялъ съ собою двухъ офицеровъ (одного звать Муръ, а другого Хлѣбниковъ), четырехъ матросовъ, Алексѣя, и отправился съ ними на берегъ къ японцамъ.

Они сошли на берегъ, потомъ ихъ повели въ крѣпость. Въ крѣпости собралось подъ ружьемъ человѣкъ четыреста солдатъ; за поясомъ у нихъ были заткнуты сабли. Одинъ солдатъ проводилъ русскихъ въ палатку. Противъ двери на полу сидѣлъ японскій начальникъ въ парядномъ шолковомъ халатѣ. За поясомъ у него торчали двѣ сабли, а черезъ плечо шолковый шнурокъ висѣлъ. У этого шнурка на одномъ концѣ была шолковая кисточка, а на другомъ стальная палочка. Позади начальника стояло 3 солдата,—одинъ держалъ его ружье, а другой—копье, а третій—шлемъ. На этомъ шлемѣ было нарисовано солнце.

Когда Головнинъ поздоровался со всѣми, начальникъ сталъ его угощать. Потомъ спросилъ его: «какой, говоритъ, у тебя чинъ и какъ тебя звать?» — «Чинъ, говоритъ, у меня капитанскій, а звать меня Василій Михайловичъ.» — «А сколько у тебя на кораблѣ народу?» — «Сто два человѣка». (Головнинъ прибавилъ, чтобы ихъ напугать, на кораблѣ у него всего-то было 51 человѣкъ).

Алексѣй и не знаетъ, какъ сказать *сто два*, потому что курильцы считать не умѣютъ, и словъ у нихъ для счету нѣтъ. Головнинъ написалъ карандашомъ на бумагѣ 102 палочки. Японцы сейчасъ сочли эти палочки, а оягода записалъ на бумажкѣ сколько на кораблѣ народу и все, что Головнинъ говорилъ начальнику. Тутъ подходитъ къ Головнину Муръ и говоритъ ему на ухо: «Василій Михайловичъ, японцы вынимаютъ сабли, хотятъ насъ рубить».—Головнинъ ему не повѣрилъ и сказалъ: «это тебѣ показалось, они можетъ такъ сабли вынули».

Оягода подошелъ къ главному начальнику и шепнулъ ему что-то на ухо. Тотъ всталъ и хотѣлъ-было идти. Потомъ опять сѣлъ и велѣлъ подать обѣдъ. Послѣ обѣда онъ опять собрался уходить.

Головнинъ ему и говоритъ: «когда же ты дашь намъ пшена?»

Начальникъ ни съ того, ни съ сего сталъ чего-то кричать, и все за саблю хватался. Онъ говорилъ очень долго. Алексѣй сказалъ Головнину: «они насъ не хотятъ пускать на корабль, говоритъ будто-бы мы пришли грабить японцевъ, и если, говоритъ, онъ насъ отпуститъ, то его начальство ему самому брюхо распоретъ» *).

---

*) По закону японскому виноватымъ распарываютъ брюхо и вынускаютъ кишки.

Какъ Алексѣй сказалъ это, русскіе видятъ дѣло плохо и побѣжали изъ крѣпости. Японцы закричали и погнались за ними и стали полѣньями имъ подъ ноги кидать, чтобъ они упали. А подойти къ нимъ боятся, только кричатъ по своему: „*держи ихъ, держи ихъ!*“ Потомъ разомъ выпалили изъ ружей, но никого не ранили. Мурь, Алексѣй да одинъ матросъ споткнулись объ полѣно и упали. Японцы взяли ихъ въ плѣнъ. А Головнинъ съ Хлѣбниковымъ и съ другими матросами побѣжали къ своей лодкѣ. Прибѣгаютъ туда, а лодка стоитъ на землѣ. Когда они были въ крѣпости, въ морѣ сдѣлался отливъ и вода обмелѣла. Они двигали, двигали лодку въ воду, но не могли ее сдвинуть. Японцы видятъ, что имъ не уплыть, подошли къ лодкѣ и посмотрѣли—нѣтъ ли въ ней оружія. А тамъ ничего нѣтъ. Тогда они стали еще пуще кричать: *держи ихъ, держи ихъ!* и саблями замахали. Потомъ окружили ихъ, связали имъ руки и повели назадъ въ свою крѣпость.

Рикордъ увидалъ въ зрительную трубу, какъ японцы повели русскихъ въ крѣпость, но помочь имъ не могъ.

Тогда онъ собралъ офицеровъ на совѣтъ и спросилъ какъ имъ быть безъ товарищей и начальника. Рѣшили написать имъ письмо: «ежели, говоритъ, японцы васъ не выпустятъ, то въ будущемъ году придемъ съ подмогой и васъ силой освободимъ», и велѣлъ пустить это письмо въ бочкѣ къ берегу.—

Потомъ Рикордъ приказалъ отвезти сундуки плѣнниковъ на берегъ и оставить ихъ тамъ, а самъ отправился съ кораблемъ на зимовку въ г. Охотскъ.

Японцы повели русскихъ въ палатку. Стали имъ вязать руки и ноги. Руки связали въ кистяхъ да въ локтяхъ, накинули имъ петлю на шею, а другимъ концомъ веревки обмотали себѣ руки. Ежелибы русскіе вздумали побѣжать—стало бы имъ руки ломать и душить ихъ. Эту длинную веревку японцы привязали за матицу и начали ихъ обыскивать. Все, что у нихъ было въ карманахъ—взяли себѣ; даже кресты съ нихъ сняли. Потомъ сѣли на полъ, поджали ноги, стали трубки курить и что-то промежъ себя разговаривать. Русскіе думали, что они хотятъ ихъ душить. А японцы поговоривъ развязали имъ ноги, отвязали отъ матицы веревки, приставили къ каждому человѣку по японцу, и повели русскихъ вонъ изъ палатки. Впереди идутъ по солдату съ палочками изъ чернаго дерева и дорогу указываютъ. А сзади каждаго человѣка идетъ японецъ и держитъ веревку. Другой японецъ идетъ сбоку и мухъ отгоняетъ. У каждаго солдата было прибито по дощечкѣ, на которой сказано, что́ кому дѣлать.

Головнину такъ стянули петлю, что онъ сталъ задыхаться: лицо у него посинѣло и онъ слова не могъ вымолвить. Товарищи стали просить японцевъ, чтобы они отпустили ему шею. Японцы ихъ не понимаютъ и все понуждаютъ Головнина идти скорѣе. Онъ про себя и думаетъ: хоть бы рѣчку гдѣ найти—

утопился бы, мочи моей нѣтъ! Пришла рѣчка. А японцы подхватили русскихъ подъ руки и перенесли ихъ на другой берегъ. Головнинъ и думаетъ про себя: «и утонуть-то не дадутъ!»—и упалъ безъ памяти на-земь; онъ весь почернѣлъ, изо рта у него кровь потекла. Японцы стали на него холодную воду лить, развязали ему на шеѣ веревку—и ему стало легче.

Пришли въ какую-то японскую деревню. Японцы разули русскихъ и уложили ихъ кругомъ стѣнъ на полу, а веревки привязали за скобки. Сами сѣли посреди горницы и стали пить чай. И все поглядываютъ на русскихъ—не ушелъ бы кто изъ нихъ. А имъ не то что идти,—и пошевелиться-то нельзя.

Въ полночь японцы принесли широкую доску, продѣли по угламъ веревки и связали ихъ какъ у вѣсовъ. Головнина положили на эту доску. Принесли его къ морскому берегу въ лодку и покрыли рогожкою. Потомъ посадили въ эту лодку Мура и Хлѣбникова. А матросовъ посадили въ другую лодку, и тоже закрыли рогожками и повезли.

Каждый день въ дорогѣ японцы кормили русскихъ кашею изъ сарацинскаго пшена. А имъ нельзя было ѣсть, потому что у нихъ руки были связаны. Японцы палочками клали имъ кашу въ ротъ; они не знали ложекъ и сами ѣли палочками.

Когда они проходили селами,—народъ сбѣгался глядѣть русскихъ; и всѣ ихъ жалѣли; приносили къ нимъ свои вѣера, которыми они отъ жары от-

Японская школа.

махиваются, и просили ихъ написать на нихъ что нибудь по-русски. Муръ имъ писалъ и рисовалъ разныя картинки. А японцы его благодарятъ: возьмутъ ко лбу руку приложатъ и кланяются. И матросовъ они просили выписать имъ что-нибудь по-русски. Матросы отговаривались, говорили, что не умѣютъ. Японцы этому дивились, потому что они были грамотные и всѣ умѣли писать по своему, по-японски.

Въ одной большой деревнѣ японцы вытащили лодки изъ воды и понесли ихъ на плечахъ черезъ горы, и плѣнники шли пѣшкомъ. У одпого матроса потекла кровь изъ носу. Японцы заткнули ему носъ хлопкомъ, видятъ, что кровь все течетъ, развязали ему веревку.

Японцы перенесли лодки черезъ горы, спустили ихъ опять въ рѣчку и по ней приплыли они къ большому озеру. Тутъ онѝ сошли на берегъ и привели русскихъ въ избу, потомъ принесли имъ рѣдьку въ два аршина длины, натерли ее и сварили для нихъ похлебку. Когда они поужинали, японцы принесли два одѣяла на ваткѣ, сложили ихъ вдвое и послали на полъ. А въ головы положили отрубокъ деревянный. Головнинъ и спрашиваетъ японцевъ: «развѣ у васъ нѣтъ подушекъ?» — «У насъ, говорятъ, подушекъ нѣтъ, богатые люди кладутъ въ головы ящичекъ, а сверху въ этотъ ящичекъ вшита маленькая подушечка. Когда ложатся спать, снимаютъ съ себя все платье и въ ящичекъ кладутъ, сами-же голые спятъ. А бѣдные люди въ головы деревянные отрубки кладутъ».

На-рапѣ японцы стали наряжаться въ хорошее платье—недалеко было до города *Хакодаке*, гдѣ у нихъ самое наибольшее начальство живетъ.

Когда пришли въ этотъ городъ, русскихъ посадили въ большой домъ. Въ горшцахъ стояли большія клѣтки. Японцы сняли въ сѣняхъ сапоги съ Головнина и посадили его въ одну клѣтку, другихъ плѣнниковъ тоже разсажали по клѣткамъ.

Когда японцы ушли, Головнинъ остался одинъ и вспомнилъ онъ свой край, свою родину, свой корабль и тѣхъ, что остались на кораблѣ; вспомнилъ онъ свою родню и своихъ товарищей-сослуживцевъ и ему стало вчужѣ такъ скучно, что взялъ-бы да заплакалъ-бы какъ дѣти плачутъ. Вотъ сидитъ онъ и горюетъ о своей судьбѣ; вдругъ слышитъ кто-то потихоньку стучитъ въ рѣшотку, и зоветъ его. Онъ подошелъ къ рѣшоткѣ и увидалъ японца. Японецъ подалъ ему два шпрожка черезъ рѣшотку и говоритъ: «не сказывай никому, что я приходилъ къ тебѣ, а то мнѣ плохо будетъ».

Когда японецъ ушелъ, Головнину стало еще скучнѣй. Онъ сталъ глядѣть сквозь рѣшотку и увидалъ поля, рѣку да горы;—и подумалъ про себя: былъ-бы у меня ножикъ, я-бы перерѣзалъ эту рѣшотку, ушелъ-бы и схоронился въ лѣсу. Только жаль своихъ товарищей лучше вмѣстѣ погибать, чѣмъ врозь. И съ горя заснулъ.

IV.

Когда проспулся, слышитъ Муръ говоритъ съ матросомъ за стѣною. Головнинъ и думаетъ: вотъ-бы мнѣ поговорить съ ними—не согласятся-ли бѣ, жать!

Тутъ къ нему пришелъ одинъ японецъ Кумаджеро, и говоритъ ему по русски: «кого изъ матросовъ ты пожелаешь къ себѣ взять?»

Головнинъ говоритъ: «дайте мнѣ Макарова».

Привели къ нему Макарова, Кумаджеро ушелъ.

Головнинъ и спрашиваетъ Макарова: «куда васъ засадили?»

— «Насъ, говоритъ, посадили въ какія-то клѣтки: въ нихъ подѣланы дыры, въ эти дыры мы замѣсто дверей лазили».

Тутъ пришли японцы, привязали русскимъ за поясъ веревки и повели ихъ по городу. Привели въ одинъ домъ. Въ горницѣ тамъ сидитъ главный начальникъ. Позади него два писаря сидятъ и передъ ними стоятъ двѣ чернильницы, бумага и волосяныя кисточки, замѣсто перьевъ. Головнина поставили по лѣвую сторону начальника, а Мура и Хлѣбникова поставили по правую сторону, потому что они были моложе Головнина по чину.

Кумаджеро сталъ спрашивать Головнина: «какой у тебя чинъ и какъ тебя зовутъ?»

— Чинъ у меня, говоритъ, капитанскій, а зовутъ меня Васильемъ Головнинымъ».

— «Много-ль тебѣ лѣтъ?»

— «Лѣтъ сорокъ, говоритъ, будетъ».

— «Живы-ли у тебя отецъ и мать, и гдѣ твоя родина?»

— «Отецъ и мать у меня. говоритъ, живы, а родина моя въ Рязанской губерніи».

Потомъ Кумаджеро переспросилъ Мура и Хлѣбникова и всѣхъ матросовъ: какъ ихъ зовутъ, есть-ли у нихъ отцы, матери и братья и гдѣ они живутъ?

Русскіе ему отвѣтили, а писаря все это записывали на бумажкѣ.

Кумаджеро и говоритъ Головнину: «у насъ былъ одинъ русскій; у него волосы длинные были; а у васъ они острижены. Или у васъ въ Россіи законъ перемѣнился?»

Головнинъ говоритъ: «у насъ кто какъ хочетъ, такъ и носитъ волосы, а закона на это нѣтъ».

Писарь сейчасъ это записалъ; японцы засмѣялись: у насъ, говорятъ, на это есть законъ.

Потомъ русскихъ отвели опять въ тюрьму. Головнинъ видитъ,—стѣна за которой сидѣлъ Муръ, разгорожена, а за мѣсто ея сдѣлана рѣшотка, и около рѣшотки стража стоитъ. Онъ и думаетъ: теперь можно намъ уговориться -какъ бѣжать изъ тюрьмы. Онъ сказалъ Муру: «когда я буду говорить съ матросомъ Макаровымъ и посмотрю на тебя, ты знай,—

то тебѣ говорю. А ты говори своему матросу, что хочешь мнѣ сказать».

«А говорить намъ прямо между собой нельзя,— японцы не велятъ».

Такъ Головнинъ съ Муромъ говорили нѣсколько дней. Потомъ японцы позволили имъ говорить между собою какъ слѣдуетъ.

Разъ Муръ захворалъ, къ нему пришелъ лекарь и спрашиваетъ его: «что у тебя болитъ?»

А Муръ говоритъ: «у меня болитъ грудь».

Лекарь велѣлъ ему настой изъ разныхъ травъ пить. „А что ѣдятъ русскіе, когда захвораютъ?“ спросилъ онъ.

Муръ сказалъ: „похлебку съ курицей“.

— Ну, говоритъ, разскажи мнѣ какъ ее сварить. Я велю тебѣ сварить».

И написалъ на бумажкѣ, какъ сказалъ ему Муръ, а похлебки сварить не велѣлъ.

Къ нимъ въ тюрьму ходилъ одинъ японскій начальникъ. Разъ онъ говоритъ Головнину: „угости матросовъ сагою, и заставь плясать ихъ и пѣсни играть».

Головнинъ говоритъ: „намъ не до пѣсенъ. Развѣ въ тюрьмѣ пѣсни играютъ?“

Японскій начальникъ засмѣялся: „правда, правда, говоритъ. „Ну, напиши мнѣ что-нибудь по-русски“.

А Головнинъ написалъ ему: «*тутъ сидѣло русскихъ семь человѣкъ. Ежели русскіе когда*

нибудь придутъ сюда, пусть отомстятъ за насъ японцамъ».

Японскій начальникъ и спрашиваетъ его: „что ты тутъ написалъ?“

А онъ говоритъ: „да вотъ я написалъ русскую пѣсню. Когда въ другой разъ пріѣдутъ къ вамъ русскіе, дай имъ прочитать“.

Японскій начальникъ понесъ бумагу къ Хлѣбникову и говоритъ: „разбери, что тутъ написано“.

А Хлѣбниковъ догадался, что японецъ не вѣритъ Головнину, и хочетъ у него допытаться, что тамъ написано, и тоже сказалъ: „это русская пѣсня написана“.

Черезъ нѣсколько времени русскихъ опять повели къ японскому начальнику. Онъ имъ показалъ сундуки и говоритъ: „эти сундуки ваши товарищи съ корабля привезли“. Потомъ вынулъ письмо, далъ его Головнину прочитать. Головнинъ прочиталъ да заплакалъ и далъ Муру прочитать, и тотъ заплакалъ. Это письмо было отъ Рикорда, которое онъ въ бочку положилъ.

Когда они прочитали письмо, Кумаджеро вынулъ мѣдныя дощечки изъ кармана и говоритъ Головнину: „зачѣмъ ты прибилъ эти дощечки къ дереву на островѣ Итурупѣ?“

Головнинъ говоритъ: „ежели мы умремъ, чтобъ насъ было гдѣ искать“.

Кумаджеро этому не повѣрилъ, да опять сталъ разспрашивать Головнина: „помнишь какъ ты бралъ

на островѣ Купаширѣ пшено и дрова. Зачѣмъ ты взялъ безъ хозяевъ? развѣ такъ можно?“

— Мы, говоритъ, за это деньги положили.

— „У насъ такъ не дѣлаютъ—безъ хозяина не берутъ,—хоть съ голоду умирай“.

Тутъ вышелъ одинъ японецъ старикъ и говоритъ: „дай, я вамъ почитаю бумагу. И сталъ по своему лопотать, будто по-русски читаетъ. Они его не понимаютъ, засмѣялись и говорятъ: „мы ничего не понимаемъ“.

„А я думалъ, говоритъ, вы меня понимаете“. И самъ разсмѣялся.

Когда русскихъ привели въ тюрьму, Макаровъ и говоритъ Головнину: „мнѣ японцы дали фуфайку, которую привезли съ корабля. Въ ней у меня лежалъ ножикъ. Они не обыскали ее и отдали мнѣ ножикъ въ ней и остался“.

Головнинъ сказалъ ему: „ну смотри, береги его, онъ намъ пригодится“.

Скоро русскихъ повели въ городъ *Матсмай*, гдѣ у японцевъ буйносъ (губернаторъ) жилъ. Съ ними пошелъ Кумаджеро и лекарь. Японцы дали имъ на дорогу табаку и бумаги за мѣсто платковъ, чтобъ они въ нее сморкались.—„Ежели, говорятъ, у васъ бумаги не будетъ, то насъ накажутъ. Мы сами тоже въ бумагу сморкаемся“.

Привели ихъ въ городъ Матсмай и посадили въ какой-то сарай. А поутру повели къ буйносу. На дворѣ было мокро, шелъ дождь. Японцы намостили

отъ самаго сарая до буйносова дома дос[illegible] и дали русскимъ отъ дождя зонтики. Привели къ буйносу и велѣли имъ сапоги снять, сами сняли соломенныя подошвы, которыя они на ногахъ носятъ, а сабли поставили за вороты. Вошли въ горницу. А въ ней стѣны вызолочены, и расписаны всякими птицами и звѣрями; японцы сидятъ въ халатахъ и разговариваютъ промежъ себя. Одинъ закричалъ: *ши-ши*, и всѣ замолчали. Вошелъ буйносъ. Японцы уперли руки въ полъ и поклонились ему до земли; и онъ имъ поклонился.

Буйносъ вынулъ изъ пазухи бумагу и сталъ по ней спрашивать русскихъ: сколько имъ лѣтъ, и есть ли у нихъ отцы и матери, сестры и братья и какъ зовутъ ихъ; часа два разспрашивалъ про ихъ жизнь: гдѣ они живутъ и въ какомъ платьѣ ихъ царь ходитъ и сколько на дворѣ у царя пушекъ стоитъ?

Ему говорятъ:—«у нашего царя нѣтъ на дворѣ пушекъ».

— „Какъ, говоритъ, вашъ царь не боится безъ пушекъ жить?“

— „А какихъ, говоритъ, вы птицъ и рыбъ ѣдите? нарисуйте мнѣ ихъ“.

Муръ нарисовалъ.

Буйносъ посмотрѣлъ и говоритъ: „у насъ такихъ птицъ нѣтъ въ Японіи. Теперь покажи мнѣ звѣрей, какіе у васъ водятся“.

Муръ и звѣрей нарисовалъ.

— Ну, говоритъ, у насъ и звѣрей такихъ нѣтъ;

наши звѣ[illegible] лучше. А какъ у васъ богатыхъ людей хоронятъ?

Головнинъ говоритъ: „у насъ ихъ хоронятъ все такъ же, какъ и бѣдныхъ, только богатыхъ больше поповъ провожаютъ“.

— И у насъ, говоритъ, также. А по сколько разъ на день русскіе въ церковь ходятъ и много ли у нихъ праздниковъ въ году? И всего онъ допытывался и просилъ нарисовать всякую вещь.

Потомъ буйносъ велѣлъ принести сундукъ съ платьями и все что у русскихъ было, и сталъ ихъ разспрашивать: какъ что зовутъ и какая вощь къ чему годится. Что они ему скажутъ,—сейчасъ запишетъ и записочки велитъ пришить къ каждой вещи.

Когда буйносъ пересмотрѣлъ всѣ вещи въ сундукѣ, то сказалъ, что придетъ къ русскимъ уже нескоро, что имъ бояться за свою жизнь нечего, что японцы такіе же люди какъ русскіе, и что если они, русскіе, не думали сдѣлать японцамъ зла, то и японцы не пожелаютъ сдѣлать имъ худа; и когда начальство ихнее разберетъ все какъ было, то безпремѣнно отпуститъ русскихъ на волю и одаритъ ихъ еще подарками, и приказалъ выдать имъ бумаги и чернилъ—„вы мнѣ объяспите какъ было все дѣло, а я, говоритъ, подамъ вашу бумагу нашему начальству, какъ оно рѣшитъ, такъ и будетъ“.

Послѣ этого русскихъ стали кормить лучше. Прорубили имъ окно въ тюрьмѣ и подѣлали нары. Стали давать имъ трубки курить, а прежде не давали. На

трубкахъ подѣлали кружки деревяшные, и черезъ рѣшотку подавали чубуки, а трубки оставались за рѣшоткою; они боялись, чтобы русскіе, имѣя огонь въ трубкахъ, не сожгли бы домъ

Русскіе стали писать про свое дѣло.

Они хотѣли одну бумагу написать для себя, а другую бойносу. А писать для себя—нельзя, не на чемъ, сторожа давали бумагу по счету. Они писали для себя, на той бумагѣ, въ которую сморкались. Хлѣбниковъ станетъ къ рѣшоткѣ спиной, поставитъ ложечку съ чернилами и пишетъ соломенкой, а Головнинъ ходитъ и смотритъ,—не увидали бы сторожа.

Кумаджеро сталъ говорить имъ: „напишите въ бумагѣ къ бойносу про своихъ царей, про то, какіе у васъ звѣри и птицы водятся, и какъ у васъ мертвыхъ хоронятъ“.

А Головнинъ говоритъ: „намъ буйносъ велѣлъ про свое дѣло писать; а ты просишь о пустякахъ, этого въ дѣлѣ писать нельзя“.

Кумеджеро цѣлый мѣсяцъ-переводилъ поянонски, что русскіе написали для буйноса. Что ему Головнинъ ни толкуетъ, онъ скажетъ: о, о! (да, да, понимаю); а самъ ничего. Наспилу ему втолковали въ его пустую голову.

Русскіе пошли съ своимъ дѣломъ къ буйносу. Онъ прочиталъ по-японски, что они написали, и велѣлъ къ себѣ позвать одного японца. Когда японецъ пришелъ, онъ ему и говоритъ: „поѣзжай

къ нашему царю, въ городъ *Іеддо*, и отдай эти бумаги, которыя написали русскіе".

Потомъ буйносъ велѣлъ принести сундукъ русскихъ, вынулъ оттуда шляпы и шпаги и велѣлъ имъ показать, какъ они ихъ носятъ.

А Головнинъ говоритъ: „на что вамъ это знать?"

Буйносъ говоритъ: „вотъ этотъ человѣкъ поѣдетъ къ нашему царю и повезетъ ваши сундуки туда, и разскажетъ ему, какъ вы ихъ носите".

Ну, русскіе показали ему, какъ они носятъ шляпы и шпаги.

— Смѣряйте ихъ, говоритъ, какъ они высоки, и снимите съ нихъ портреты.

Японцы ихъ смѣряли.

А буйносъ говоритъ: „нашъ царь удивится, когда узнаетъ, какіе вы высокіе: у насъ такихъ высокихъ людей нѣтъ".

Потомъ съ русскихъ сняли портреты и они всѣ подъ одно лицо вышли.

Буйносъ отдалъ мѣрки и портреты тому японцу, который къ царю поѣхалъ.

Разъ Кумаджеро привелъ въ тюрьму одного японца — Теске, и говоритъ Головнину: „буйносъ велѣлъ вамъ учить этого человѣка по-русски". Головинъ сталъ учить Теске. И онъ ходилъ къ нимъ въ тюрьму каждый день, и скоро выучился немного по-русски говорить. Придетъ къ русскимъ и начнетъ имъ разсказывать про свою землю, про Японію. „Наша, говоритъ, земля вотъ откуда взялась. Прежде

земля вся была подъ водой. Богъ велѣлъ старшему своему сыну привесть землю въ порядокъ и населить народомъ. А онъ взялъ булаву и пошелъ воду мѣрить. Гдѣ была Японія,—тамъ вода мельче была. Онъ досталъ со дна песку и земли и насыпалъ въ кучу, и сталъ нашъ островъ *Нифонъ*. Онъ насадилъ тамъ деревьевъ и пустилъ туда всякихъ звѣрей и птицъ. И сталъ онъ изъ себя мужчинъ и женщинъ дѣлать, и населилъ ими островъ. Отъ этихъ людей и вышли японцы. А братья его увидали, что онъ хорошо сдѣлалъ, и захотѣли сами разныя земли дѣлать, но хуже его сдѣлали. И нѣтъ лучше японцевъ народа, и наши деревья и травы лучше, чѣмъ въ другихъ земляхъ".

„А вѣра у насъ, говорятъ, не одна, а разная. Кто какую хочетъ, такую и береть. У насъ первая вѣра въ духовъ; кто вѣритъ въ духовъ, тотъ говядины не ѣстъ, а ѣстъ зайцевъ, оленей и всякую рыбу. А другая вѣра такая: ежели кто умретъ, у того душа переходитъ въ разныхъ животныхъ, а изъ животныхъ, опять въ человѣка".

„Кто въ эту вѣру вѣритъ — ѣстъ только коренья, травы да хлѣбъ. А животныхъ ѣсть боится, думаетъ, что тамъ чья нибудь душа сидитъ, такъ чтобы ее не съѣсть".

„Ежели кто умретъ въ этой вѣрѣ, то его положатъ въ бочку и понесутъ на погостъ. За гробомъ родные въ бѣлыхъ платкахъ идутъ. Придутъ въ храмъ, поставятъ предъ богами свѣчи, и шарики

изъ муки положатъ. А на бочку много цвѣтовъ навѣшаютъ. Потомъ каждый родственникъ возьметъ себѣ по цвѣтку. А бочку вынесутъ изъ храма, обкладутъ дровами да стружками, и зажгутъ: покойникъ сгоритъ. Пепелъ родные возьмутъ себѣ, и сорокъ дней у себя держутъ; потомъ возлѣ храма закопаютъ. А съ горя по покойникѣ мужчины себѣ бороду брѣютъ".

„Главный духовный начальникъ у насъ только одинъ разъ въ годъ на балконъ выходитъ; народъ лица его не видитъ, только платье да ноги видитъ. А лица онъ никогда не показываетъ. Всякій день онъ ѣстъ изъ новой посуды: какъ поѣстъ, такъ посуду и разобьютъ, и никто не можетъ изъ нея ѣсть. Царь къ нему мало ѣздитъ, — только за совѣтами посылаетъ. А въ новый годъ дарятъ ему бѣлаго журавля съ чорной головою, котораго самъ царь убиваетъ. Никто не можетъ убить его, кромѣ царя".

„Японцы женятся лѣтъ пятнадцати и платятъ деньги за невѣсту. На сговорѣ ей зубы чернятъ, — такъ она по свой вѣкъ остается съ чорными зубами. По закону японецъ можетъ имѣть нѣсколько женъ, только на родныхъ сестрахъ не дозволено жениться. Какъ родится у кого сынъ или дочь, родители сажаютъ дерево. И ежели дѣти выростутъ большіе, и ихъ пора замужъ отдавать, или оженить, то дерево срубаютъ и дѣлаютъ изъ него сундуки и кладутъ въ нихъ ихнее платье".

Теске разсказывалъ Головнину очень много про

Японію, а Головнинъ все записывалъ и думаетъ про себя: „когда ворочусь домой,—напишу про японцевъ книжку и все про нихъ разскажу“.

Разъ Теске пришелъ къ Головнину и говоритъ: „у насъ скоро новый годъ, къ тому времени васъ въ иной домъ переведутъ и сошьютъ вамъ новое платье“.

А Головнинъ ему говоритъ: «у насъ много своего платья, ни надо намъ вашего».

А Теске говоритъ: «буйносъ хочетъ, чтобъ вамъ для новаго года сшили новое платье».

Пришелъ новый годъ, а къ русскимъ никто не приходитъ: ни Теске, ни Кумаджеро. И такъ къ нимъ цѣлыхъ двѣ недѣли никто не приходилъ.

Когда пришелъ Теске, Головнинъ его и спрашиваетъ: «что-же ты къ намъ не ходилъ?»

А Теске говоритъ: «новый годъ справляли — у насъ цѣлый мѣсяцъ праздникъ, все по гостямъ ходили».

Головнинъ говоритъ: «а зачѣмъ ты обманулъ насъ, сказалъ, что въ новый годъ насъ въ иной домъ переведутъ? А насъ и кормить-то хуже стали».

— Буйносъ недавно отъ царя получилъ приказъ, чтобы васъ построже въ плѣну держать. — Когда Теске ушелъ, Головнинъ и говоритъ Хлѣбникову и Муру: не скоро дождемся мы воли, придется самимъ ее добыть, японцы насъ вовсе изъ плѣну не выпустятъ».

Хлѣбниковъ съ товарищами рѣшили бѣжать, а

Муръ и два матроса не согласились. Головнинъ говоритъ Хлѣбникову: «намъ надо приготовлять на на дорогу припасовъ. А Мура, можетъ, мы уговоримъ».

И стали они отъ обѣда кашу хоронить и сушить, да въ мѣшочки класть.

Потомъ они стали думать—какъ имъ бѣжать. Головнинъ говоритъ Хлѣбникову: «въ полночь наши караульщики ложатся спать въ свою караулку, мы возьмемъ ножикъ, который у Макарова остался, перерѣжемъ притолку въ томъ мѣстѣ, куда пробой вбитъ, выйдемъ на дворъ, перелѣземъ черезъ заборъ, спустимся въ оврагъ и оврагомъ къ морю выйдемъ. Придемъ къ морю, сядемъ въ какую-нибудь лодку и уплывемъ. А шесты, на которыхъ у насъ бѣлье сушится, возьмемъ съ собой и сдѣлаемъ себѣ пики для защиты. Только будемъ попутнаго вѣтру дожидаться».

Подулъ ночью сильный вѣтеръ и они было собрались бѣжать. Вдругъ опять прочистилось небо и звѣзды—стало видно. Они не пошли. Дня черезъ два опять подулъ попутный вѣтеръ. Они собрались бѣжать и говорятъ Муру: «собирайся, нынче ночью намъ надо бѣжать».

А Муръ и говоритъ имъ: «я не побѣгу, а вы какъ хотите, такъ и дѣлайте».

Головнинъ подумалъ: «вѣдь Муру будетъ худо если мы убѣжимъ, а бросать его не приходится, останусь еще, можетъ и уговоримъ его».

V.

Пришла весна, въ воздухѣ потеплѣло, дни стали длиннѣе, русскихъ перевели въ иной домъ. Этотъ домъ стоялъ около утеса и былъ рѣшоткой на двое разгороженъ. Въ одной половинѣ сидѣли плѣнники, а за рѣшоткой сидѣли караульщики, да офицеръ; онъ все книжки читалъ.

Русскихъ стали выводить гулять по берегу морскому. Одинъ матросъ гулялъ и нашелъ огниво, и наступилъ на него ногой, чтобъ японцы не примѣтили, да схоронилъ его въ карманъ. Другой матросъ нашелъ на дворѣ долото и заступъ, и схоронилъ подъ крыльцо, Головнинъ и говоритъ: «огниво намъ пригодится огонь высѣкать на дорогѣ. А долото и заступъ насадимъ на палки и они у насъ замѣсто пикъ будутъ. Намъ еще надо достать труту да кремней».

Они нарочно повѣсили надъ очагомъ рубашку. Она будто нечаянно упала въ огонь и сгорѣла, и сдѣлался трутъ, потомъ стащили они потихоньку у караульщиковъ два кремня.

Мѣшочки съ кашей они носили съ собой подъ мышками и около поясницы, чтобъ японцы не догадались про ихъ замыселъ.

Разъ они гуляли по морскому берегу, и видятъ у берега стоитъ рыбачья лодка, а по морю плыветъ большая лодка на парусахъ. Головнинъ говоритъ

Хлѣбникову и матросамъ: «давайте отобьемся отъ караульщиковъ, подойдемъ къ лодкѣ, сядемъ въ нее и догонимъ ту лодку, что идетъ по морю на парусахъ и убѣжимъ.

Потомъ онъ раздумалъ; нѣтъ, говоритъ, намъ такъ уйти нельзя. Какъ станемъ отбиваться отъ караульщиковъ, рыболовы догадаются и отодвинутъ лодку отъ берега—намъ-же хуже будетъ; лучше попросимъ караульщиковъ, чтобъ они провели насъ на погостъ. Мы тамъ посмотримъ тропы, которыя ведутъ на крутыя горы и какъ придемъ въ тюрьму, скажемъ, что мы спать хотимъ. А ночью встанемъ и убѣжимъ на погостъ, а съ погоста въ горы, а тамъ къ морю. Насъ ночью на погостѣ никто не поймаетъ. Мы будемъ ходить, а японцы подумаютъ, что это мертвецы ходятъ.

Они попросили у солдатъ—повести ихъ на погостъ. И ходятъ они, какъ будто дикій лукъ рвутъ, а сами слѣды высматриваютъ. Съ ними встрѣтился буйносъ—ѣдетъ на конѣ верхомъ. У лошадей за удила привязаны два шелковыхъ кушака, а хвостъ подъ шелковымъ чахломъ, а стремена какъ ящики широкіе. Коня ведутъ четыре японца за кушаки и кричатъ: «*хай, хай!*» (тише, тише), а сами дергаютъ за удила, чтобъ кони прыгали, буйносъ сидитъ и обѣими руками за сѣдло держится.

Когда пришли домой съ гулянья, сказали японцамъ: „мы очень уморились и хотимъ спать“. И легли спать. Пришла ночь. Караульщики сѣли въ

шашки играть, а офицеръ сидитъ задомъ къ рѣшоткѣ и книжку читаетъ на распѣвъ. Вотъ два матроса потихоньку слѣзли съ постелей, да выползли на дворъ; дверь была не заперта. Они взяли на кухнѣ два ножа и схоронились подъ крыльцо. Караульщики сидятъ и все въ шашки играютъ, и думаютъ, что русскіе спятъ.

Когда стала ужъ совсѣмъ ночь, караульщики обошли кругомъ дома и легли спать въ своей караулкѣ. Матросы стали подкапываться подъ стѣну; подкопались. Въ самую полночь Головнинъ, Хлѣбниковъ и еще два матроса ползкомъ выползли на дворъ. А Муръ спитъ и ничего не знаетъ, не вѣдаетъ, что товарищи его ушли. Они всѣ пролѣзли подъ стѣну. Головнинъ осклизнулся и зашибъ себѣ колѣнку. И стали они пробираться между оврагомъ и стѣною и вышли на погостъ.

Отъ погоста до моря было не далеко; только они боялись идти на прямикъ, чтобъ японцы ихъ не поймали, а пошли они черезъ горы, на сѣверную сторону, по звѣздамъ.

Пришли они къ одной горѣ, по которой нужно было взобраться,—она очень высока была. А на горѣ былъ снѣгъ; матросы говорятъ: „намъ нельзя по снѣгу идти. Ежели мы по снѣгу пойдемъ, то насъ японцы по слѣду найдутъ.“ И они обходили снѣгъ и вышли на лѣсную тропу, по которой японцы изъ лѣсу дрова возятъ. На ней были видны лошадиные и человѣческіе слѣды. Матросы думаютъ, если

мы по ней пойдемъ, то японцы не примѣтятъ нашихъ слѣдовъ. И пошли. Шли, шли, вдругъ слышутъ голоса. Головнинъ и говоритъ: „за нами японцы погоню устроили“. А ужъ разсвѣло. А имъ некуда дѣваться. Они взяли и присѣли въ лощинѣ, сидятъ и думаютъ: „нѣтъ, насъ и тутъ найдутъ“. И увидали пещеру; съ горы къ пещерѣ подойти нельзя, вода течетъ. Подлѣ пещеры росло дерево. Они ухватились за дерево и по одному взлѣзли туда. Въ пещерѣ имъ нельзя было ни сидѣть, ни лежать—тамъ былъ песокъ сыпучій: ежели ляжешь, такъ прямо въ яму съ водой сползешь. Когда они лѣзли въ пещеру, у одного матроса соскочилъ колпакъ и въ воду упалъ; ну, говорятъ, теперь намъ пришла бѣда, по колпаку насъ найдутъ. И слышутъ—что-то шумитъ. Они думаютъ это японцы. Выглянули изъ пещеры, а это олень бѣжитъ. Олень увидалъ народъ и убѣжалъ.

Бѣглецы просидѣли въ пещерѣ до сумерекъ. Когда взошли звѣзды, они пошли въ горы. Стали подниматься на гору. Головнинъ не могъ идти,—у него очень ногу ломило. Онъ ухватился за поясъ Макарова и сталъ подниматься. И пришли они къ какой-то глубокой лощинѣ; ночью по ней идти—очень страшно. Они стали искать гдѣ нибудь перехода на другую гору и нашли словно плотину черезъ лощину. И перешли по плотинѣ на другую гору, показались имъ чьи-то шалаши и слышатъ кто-то свищетъ, будто перепелокъ ловитъ. Они при-

легли въ траву и стали прислушиваться. Тихо, ничего не слышно. Подошли къ шалашу, видятъ это жерди стоятъ, а не шалашъ. Они обозлились. Взяли двѣ жердочки, насадили на нихъ долото да заступъ, и у нихъ стало по копью. Пошли дальше. Пришли къ рѣчкѣ и пошли по льду. Перешли черезъ ледъ и потеряли прежнюю дорогу. Пошли прямо по снѣгу, умяли ногами горный тростникъ и легли спать. А было холодно, они сильно продрогли и всю ночь глазъ не смыкали, встали и стали огонь высѣкать. Растопили снѣгу, облили горячей водой пшено, и немного поѣли. Тутъ подулъ вѣтеръ и сдѣлался туманъ. Головнинъ и говоритъ: „ну, гдѣ теперь японцамъ за нами гнаться!—они въ этакой вѣтеръ за нами не погонятся. Пойдемте дальше—ничего что день“. Они пошли. Пришли къ утесу, и надо имъ на этотъ утесъ лѣзть. Головнинъ опять ухватился Макарову за поясъ и они полѣзли. Макаровъ лѣзъ, лѣзъ, немного не вылѣзъ и говоритъ Головнину: „я очень уморился“. А изъ утеса выперся камень. Головнинъ ступилъ здоровой ногой на этотъ камень. Передъ камнемъ стояло дерево, онъ взялся обѣими руками за сучокъ; камень покатился, и Головнинъ повисъ на сучкѣ. А Макаровъ вылѣзъ на верхъ утеса, и повалился безъ памяти на землю. Другіе матросы и Хлѣбниковъ поодаль поднимались. Головнинъ и думаетъ: „вотъ сорвусь въ пропасть, и никто не увидитъ, какъ слечу, а помочь некому. Въ это время Макаровъ очнулся немножко, подо-

шелъ къ Головнину и ставъ противъ его груди на камень, который изъ горы высунулся, ухватился руками за дерево и говоритъ: „держись за поясъ“,— и вытащилъ его на верхъ. Тутъ они малость передохнули.

А Хлѣбникову въ другомъ мѣстѣ такъ пришлось, что ему нельзя ни вверхъ лѣзть, ни внизъ спуститься. Они связали свои кушаки, и спустили къ нему. Хлѣбниковъ взялся за конецъ, и его вытащили на верхъ. И стали тутъ всѣ отдыхать.

Отдохнули и пошли опять. Взошли на гору, сдѣлали шалашъ изъ тросника и легли спать. Головнинъ говоритъ: «теперь по горамъ будетъ лазить, завтра давайте искать рѣчку и можетъ быть выйдемъ къ морю». Всѣ на это согласились. На ранѣ пошли искать рѣчку и нашли. Только идти берегомъ,—было очень круто. Они переходили съ берега на берегъ и выбирали мѣста, гдѣ лучше идти. На одномъ берегу они увидали пустыя избы и говорятъ: «пойдемте туда, не найдемъ-ли тамъ чего нибудь поѣсть. Ходили, ходили по избамъ, ничего тамъ не нашли. Нашли только старый топоръ, долото, да двѣ чашки и чайникъ, и взяли себѣ. Въ одной избушкѣ закопались въ солому, и проспали до утра.

Утромъ они пошли было опять по берегу, да увидали дымъ, и свернули на высокую гору. Прошли немного по горѣ и говорятъ: «давайте обойдемъ эти горы, чтобъ насъ не замѣтили». А Голов-

нинъ говоритъ: «если намъ обходить, то мы нескоро еще дойдемъ до морского берега. Отсюда его видно: мы въ 4 дня всего 20 верстъ прошли. Пойдемте прямо, можетъ насъ не увидятъ. Вотъ они взяли пригнулись и пошли такъ по одному къ морю. Увидали кто-то ѣдетъ на коняхъ, и схоропились въ траву, да поползли по травѣ въ лощину. Тамъ вода текла и въ ней раки были по полвершку, и травили коренья. Они наловили раковъ и поѣли.

Наконецъ русскіе вышли къ морскому берегу и увидали деревню, и говорятъ: «что идти, или нѣтъ по деревнѣ?» Подумали и пошли по деревнѣ, и никто имъ не встрѣтился. Они увидали около берега двѣ лодки, только на нихъ парусовъ не было, и говорятъ: «эти лодки для насъ не годятся, потому что безъ парусовъ и очень малы».

На разсвѣтѣ они схоронились въ оврагъ и стали паруса шить изъ рубашекъ; и думаютъ: «если намъ попадется большая лодка безъ парусовъ, вотъ у насъ и паруса будутъ». Ходили они дня два, а лодки имъ такой не попадалось. Они стали думать, гдѣбы имъ добыть себѣ мяса, потому 6 дней мяса не ѣли и совсѣмъ обезсилѣли. А мяса негдѣ было добыть, силой они добывать не хотѣли, чтобъ японцы ихъ не поймали. Они стали искать вѣшалъ, на которыхъ японцы рыбу сушатъ: «нѣтъ-ли, говорятъ, на нихъ рыбы». Нашли вѣшалы, а рыбы на нихъ не было. Они стали думать, какъ-бы имъ поймать лошадь, чтобъ хоть лошадинаго мяса поѣсть. Много

разъ видали лошидей, а увесть ихъ нельзя — не подпускаютъ.

Разъ почью они стали подниматься на утесъ. А Хлѣбниковъ поскользнулся и полетѣлъ въ оврагъ. Они и не видали куда онъ упалъ. Кликали, кликали его, а онъ никакого голосу не подаетъ, а очень громко кричать боятся, чтобъ японцы не услыхали. Вотъ они навязали кушаки, и одного матроса спустили внизъ. Когда его опять вытащили, то спрашиваютъ его: «что, видѣлъ Хлѣбникова?» А онъ говоритъ: «я спустился въ самую глубь, а тамъ еще дна не видать. Кликалъ, кликалъ его, вижу голоса не подаетъ, я и назадъ, должно убился". Только это сказалъ, глядятъ, а Хлѣбниковъ по травѣ ползетъ. Они очень ему обрадовались: онъ сильно расшибся.

На десятый день они подходятъ къ деревнѣ, слышутъ—караульщики стучатъ въ доску, они схоронились въ поле. А тамъ ходила лошадь съ жеребенкомъ на арканѣ. Они потянули за аркань и хотѣли ее увесть, а жеребенокъ какъ загогочетъ. Ну, говорятъ, нечего дѣлать—давайте хоть молока надоимъ. Хотѣли молока надоить, а она стала брыкаться, (лягаться), они и бросили ее.

Въ полночь русскіе пошли черезъ деревню. На нихъ собаки залаяли; они за большой камень схоронились и сидятъ тамъ. Какъ только захотятъ выдти, а собаки и залаютъ. Такъ они съ часъ просидѣли за камнемъ. Потомъ вышли, прошли деревню

и пошли опять по берегу. И увидали лодку съ парусами, и на ней устроена палатка. Одинъ матросъ просунулъ руку въ палатку и прямо какому-то японцу въ плечо попалъ. А тотъ какъ закричитъ! Они опять за камни схоронились. Побыли не много и вышли опять къ берегу. Пошли по берегу, еще нашли лодку, она лежала на боку, они ни какъ не могли ее столкнуть.

Тутъ Головнинъ и говоритъ: „мы совсѣмъ обезсилѣли,—не можемъ лодки сдвинуть. Давайте силой гдѣ нибудь хлѣба возьмемъ, а то намъ не миновать умирать съ голоду“. Матросы разсердились на него и закричали: „долго-ли ты насъ будешь водить, довольно насъ помучилъ, ребята, давайте пришибемъ его, а сами убѣжимъ къ японцамъ. Чѣмъ умирать здѣсь съ голоду, лучше отдаться непріятелю въ плѣнъ“.

А Головнинъ раскрылъ грудь и говоритъ: „я капитанъ вашъ, а вы замышляете на мою жизнь; васъ много, я одинъ, мнѣ съ вами не совладать, убейте меня, коли не боитесь согрѣшить предъ Богомъ и Государемъ“. Матросы устыдились этихъ словъ, кинулись ему въ ноги и стали молить: “Ваше Высокоблагородіе! Батюшка Василій Михайловичъ, виноваты! Прости насъ, умремъ съ тобою“.

Головнинъ зналъ, что они съ голоду, сами себя не помня, поднялись противъ него и сказалъ: „Богъ васъ проститъ. Теперь мѣшкать не слѣдъ, живѣе добудимъ силою лодку, верстъ 30 отсюда, на оке-

апѣ, есть островъ,—туда и пойдемъ; тамъ отдохнемъ. Мнѣ сказывали японцы, что тамъ никто не живетъ, и кругомъ густой лѣсъ ростетъ. И поѣсть будетъ чего: станемъ морскія раковины сбирать и рыбу ловить. Всѣ лодки плывутъ мимо этого острова. Мы отнимемъ большую лодку и поплывемъ дальше".

Только Головнинъ это сказалъ, Хлѣбниковъ видитъ на горѣ стоитъ японская женщина и кому-то рукой машетъ. Онъ сейчасъ догадались, что это она на нихъ показываетъ,—да въ лощину. Тутъ японцы окружили лощину, да кричатъ: „*держи ихъ, держи ихъ!*" Хлѣбникова съ тремя матросами сейчасъ поймали. А Головнинъ да Макаровъ схоронились въ кусты. Японцы стали шарить въ кустахъ, копьемъ тыкаютъ, пробуютъ не спрятались-ли русскіе. А четыре японца пошли прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Головнинъ съ Макаровымъ. Головнинъ и говоритъ Макарову: „давай обороняться". А Макаровъ говоритъ: „нѣтъ не надо. Если мы убьемъ, хоть одного японца, то намъ худо будетъ". Головнинъ послушался его, вышелъ изъ кустовъ и воткнулъ въ землю копье; за нимъ вышелъ и Макаровъ. Японцы спачала подумали, что они хотятъ съ ними драться. Потомъ видятъ, что у нихъ ничего нѣтъ въ рукахъ, осмѣлились, взяли ихъ, связали по рукамъ и повели къ берегу, а Головнина подъ руки, потому что онъ сильно хромалъ. Привели всѣхъ русскихъ въ деревню, въ одну избу. Накормили ихъ саранпнской кашей и рѣдькой, и часмъ напоили. И повели опять въ Матсмай, откуда они убѣжали.

Русскіе идутъ прежней дорогой и видятъ — по ихъ старымъ слѣдамъ тычки воткнуты: они этому очень удивились. А японцы усмѣхаются: „мы за вами слѣдомъ шли и по вашимъ слѣдамъ тычки ставили; мы видѣли, гдѣ и когда вы отдыхали. гдѣ воду шли, гдѣ дневали, гдѣ ночевали, ничего отъ насъ не укрылось“.

Ночью русскихъ вели съ фонарями. А къ утесамъ подойдутъ—зажгутъ пукъ соломы, чтобъ видно было гдѣ лучше пройти.

Когда они были не далеко отъ города Матемая имъ на встрѣчу вышелъ Теске и сталъ ихъ обыскивать. Онъ ему и говорятъ: „что ты насъ обыскиваешь, -вѣдь ты знаешь, у насъ ничего нѣтъ“.

А Теске сказалъ—„у насъ такой законъ“.

И привели русскихъ всѣхъ къ буйносу. Мура и Алексѣя тоже привели. Буйносъ сталъ ихъ разспрашивать, -„зачѣмъ, говоритъ, вы бѣжали?“

А Головнинъ сказалъ ему: „стосковались по своимъ, мы знали, что вы насъ изъ плѣну не выпустите,—вотъ мы и вздумали бѣжать“.

Буйносъ говоритъ: „кто вамъ сказалъ, что васъ изъ плѣну не выпустятъ?“

А Головнинъ говоритъ: „намъ сказалъ Теске“. Буйносъ сталъ что-то выговаривать Теске по-японски. А онъ весь побѣдлѣлъ.

Потомъ спрашиваетъ Головнина: „развѣ вы могли уйти отъ насъ? А какіе караульщики были вамъ помощники?“

— „Мы, говоритъ, хотѣли уйти, взять у васъ на морскомъ берегу лодку и уѣхать въ Камчатку. А пособниковъ у насъ не было. Я одинъ задумалъ бѣжать, а матросы послушали меня, потому что я ихъ начальникъ“.

А буйносъ говоритъ: если-бы мы васъ не поймали, намъ всѣмъ брюхо распороли-бы, развѣ вы не знали?

— «Нѣтъ говоритъ, мы этого не знали».

А Муръ говоритъ: «это опъ напрасно говоритъ, они всѣ знали про это».

Буйносъ не сталъ слушать Мура. А Муръ хотѣлъ выказаться передъ японцами, потому что ему хотѣлось въ Японіи остаться жить. А японцамъ не хотѣлось его держать: у нихъ по закону нельзя принять въ свои земли чужестранныхъ людей жить.

Буйносъ сказалъ Русскимъ: « ваши товарищи хотѣли бѣжать; если бы вы были японцы, — мы васъ убили бы, но мы васъ не убьемъ, потому что вы чужестранные люди. Я скоро пойду къ царю и буду его просить, чтобы васъ выпустили изъ плѣна».

Буйносъ ушелъ. А русскихъ повели въ тюрьму.

Раздѣли ихъ до гола, и опять стали обыскивать. Головнина и Хлѣбникова посадили въ маленькія клѣтки, а всѣхъ матросовъ помѣстили въ одну большую клѣтку.

Муръ какъ пришелъ отъ буйноса, сталъ плакать.

*

Японцы не принимали его къ себѣ, а въ Россію онъ идти не хотѣлъ, ему зазорно было, что онъ измѣнилъ своимъ товарищамъ и боялся онъ, чтобы ему не досталось отъ начальства за то, что ослушался Головнина. И съ той причины сталъ онъ грустить и плакать по цѣлымъ днямъ.

VI.

Въ Охотскѣ проживали въ плѣну шесть японцевъ. Одинъ японецъ величалъ себя кущомъ Леонзаймо. Когда капитанъ Хвостовъ ходилъ на островъ Итурупу—то захватилъ его съ товарищемъ въ плѣнъ. Въ плѣну товарищъ его умеръ, а Леонзаймо остался. Другіе японцы спаслись отъ кораблекрушенія, судно ихъ расшиблось о камни, а ихъ выбросило на берегъ морской, русскіе подняли ихъ, отогрѣли и стали за ними ухаживать.

Рикордъ и думаетъ — не отвезти ли ихъ въ Японію, если я отпущу ихъ на волю, можетъ и нашихъ товарищей выпустятъ изъ плѣну. Пришла весна, Рикордъ поплылъ къ японскимъ берегамъ и взялъ съ собою этихъ японцевъ. Приходитъ къ острову Кунаширъ и говоритъ Леонзаймо: „снесп это письмо кунаширскому начальнику и скажи ему, что я отпустилъ тебя на волю, а отъ него принесешь мнѣ отвѣтъ. Леонзаймо подумалъ: „ладно, принесу, только-бы до берега добраться, а тамъ и не увидите меня“.

Его свезли на берегъ, ждутъ—пождутъ отвѣта нѣтъ, ни про него, ни про письмо, ни слуху, ни духу.

Погодя немного Рикордъ посылаетъ другого японца: «узнай, говоритъ, живы-ли русскіе?»

Прошло не мало времени, и онъ не ворочается.

Рикордъ выпускаетъ третьяго японца, да видитъ, что они его обманываютъ, что отвѣта не дождется, а только безъ толку время переводитъ, рѣшилъ написать японскому начальнику такое письмо: „дай мнѣ знать покрайности — живы ли мои товарищи? А если отвѣта ты не дашь, то не уѣду отсюда, пока не добуду того, что мнѣ нужно, и не позволю вамъ ловить въ морѣ рыбу“.

Начальникъ прочиталъ его письмо и подумалъ—„если я скажу, что плѣнники убиты, можетъ русскіе затѣятъ войну съ нами, а насъ больше ихъ, и мы зададимъ имъ такую трепку, что они закажутъ и внукамъ, и правнукамъ своимъ къ намъ заглядывать“, и послалъ сказать—что всѣ русскіе перебиты.

Когда Рикорду передали это извѣстіе, онъ очень опечалился, но подумалъ: „не обманываютъ ли меня японцы, вѣдь они на слово лукавы; если бы нашихъ взаправду убили, то намъ вернули бы ихъ вещи и сундуки“; и хочется Рикорду доподлинно узнать—живы они или нѣтъ?

Какъ тутъ быть? что дѣлать?

Разъ плыветъ мимо „Діаны“ японская шлюпка (лодка). Рикордъ послалъ матросовъ овладѣть ею; когда матросы подплыли, японцы со страху побро-

сались въ воду, шесть человѣкъ утонуло, а остальныхъ привели къ Рикорду. Между ними былъ одинъ богатый купецъ, по имени Кахи. Рикордъ спрашиваетъ его: „не слыхалъ ли чего нибудь про русскихъ плѣнныхъ?“—Кахи кивнулъ головою и говоритъ: „слыхалъ, слыхалъ!“—„Ну что, какъ они поживаютъ, живы ли, здоровы?“—„Живы, живы“. „А сколько ихъ и гдѣ они живутъ?“ -„Проживаютъ они въ городѣ Матемай, а всѣхъ ихъ будетъ счетомъ шесть человѣкъ“.—Ну. какъ Головнинъ поживаетъ?—„Головнина, говоритъ, не знаю, кажись, тамъ нѣтъ такого и не было“.—„Головнина не было, да какъ это можно! что вы такую несладицу плетете, Канаширскій начальникъ говоритъ—убиты всѣ, ты говоришь—живы, только Головнина нѣтъ—не разберешь васъ. Долго Рикордъ не зналъ, что сталось съ Головнинымъ.

Настала осень, уже пора кораблю идти на зимнюю стоянку, а про Головнина ничего не слышно, медлить нельзя, иначе зима захватитъ посреди моря. — Вотъ Рикордъ передъ уходомъ своимъ лишнихъ японцевъ отпустилъ, а купца Кахи и четырехъ матросовъ задержалъ; „пока, говоритъ, доподлинно не узнаю живъ ли Головнинъ или нѣтъ, до тѣхъ поръ не отпущу тебя“. Жена Кахи пришла его провожать. Вошла въ каюту, тамъ сидитъ жена русскаго лекаря, сѣла подлѣ нея и стала водить пальцемъ по ея платью, оно ей очень понравилось, потомъ дотронулась до лица лекарки

и говоритъ: „іооЙ, іоо,“ (хороша, хороша); а себя увидала въ зеркалѣ и говоритъ: „варій варій“ (не хороша, не хороша). Ее угостили чаемъ, пряниками, сказали чтобы она по мужѣ не тужила бы, что онъ скоро вернется и отпустили ее домой. Рикордъ отплылъ на своемъ кораблѣ въ Охотскъ. Дорогой онъ снова спрашиваетъ Кахи про Головнина: — „ты сказываешь, что плѣнники живы, а про Головнина не знаешь, вѣдь его взяли вмѣстѣ съ нашими матросами,—онъ есть ихъ главный начальникъ“. —Кахи зададилъ одно: „не знаю да не слыхалъ“.

Послѣ Рикордъ вспомнилъ, что японцы звали Головнина—Ховорнинъ, и спрашиваетъ: „а Ховорнинъ живъ?“—„Да,—Говоритъ живъ“.

Ну, слава Богу, думаетъ Рикордъ, всѣ живы, а я было испугался, что Василій Михайловичъ умеръ.

Пріѣхали въ Охотскъ. Рикордъ взялъ Кахи къ себѣ въ домъ и стали они большими друзьями.

Разъ пришли къ Головнину два чиновника и говорятъ ему: „твой помощникъ, что командуетъ кораблемъ, напалъ на нашу лодку и взялъ пять человѣкъ въ плѣнъ“. — „Я объ этомъ ничего не знаю“.—„А не знаешь для чего онъ это сдѣлалъ?“— „Видно хотѣлъ узнать живы ли мы, къ берегу вы не подпускаете, онъ и разсудилъ: дай, возьму кого-нибудь въ плѣнъ, можетъ что про нихъ узнаю, и напалъ на вашу лодку, а на слѣдующій годъ онъ вернется и выпуститъ ихъ изъ плѣну“.—„Правда,

правда, мы и сами такъ думаемъ", сказали японцы и ушли.

Головнинъ примѣтилъ, что японцы обходились съ ними ласковѣе: позволяли открывать двери и окна темницы, подчивали всякими ягодами и плодами, присылали имъ отъ своего стола кушанья, подарили ему и Хлѣбникову по вѣеру, а матросу Шкаеву, который обучался грамотѣ—чернильницу, тушь (черная краска) и кисточку за мѣсто пера. Головнину и не въ домёкъ откуда такая милость. Онъ отблагодарилъ ихъ чѣмъ могъ, однимъ далъ по кусочку дорогого сукна, другимъ подарилъ кисеты для табаку, третьимъ — чулки, платки и другія вещи. Японцы дивились всякой бездѣлицѣ и были ими очень довольны.

Разъ позвали Головнина и Мура въ крѣпость. Приходятъ туда—имъ подаютъ два письма и говорятъ: „а прочтите, что тутъ написано". Это были тѣ самыя письма, которыя Рикордъ посылалъ къ купаширскому начальнику черезъ Леонзаймо.—„Отчего вы такъ поздно ихъ доставили?"—спрашиваетъ Головнинъ.—„Тутъ написано, что письма отосланы въ концѣ лѣта, а теперь уже осень, октябрь на дворѣ. Неужто у васъ по три мѣсяца развозятъ почту?"—Старшій японецъ говоритъ: „вина не почты, почта хорошо везетъ, вина нашего гонца, онъ вернулся домой, а про письма забылъ, только недавно сталъ онъ надѣвать свой халатъ и выронилъ письма изъ кармана, спохватился—да поздно, время вотъ

какъ ушло!“ — „Понимаемъ, понимаемъ чья тутъ вина“, —сказалъ Головнинъ и засмѣялся, и всѣ японцы засмѣялись. Головнинъ зналъ, что посланный тутъ не при чемъ, а просто японцы не посмѣли отдать письма безъ позволенья своего начальства и задержали ихъ. Отъ того дѣло такъ и затянулось.

Одно письмо было отъ Рикорда Головнину. „Василій Михайловичъ, писалъ Рикордъ, скажи японцамъ, что я прибылъ къ острову Кунаширъ затѣмъ, чтобы высадить на берегъ кушца Леонзаймо съ четырьмя матросами. Я далъ имъ бумагу къ кунаширскому начальнику, а въ этой бумагѣ было сказано, что по приказанію русскаго начальства, Леонзаймо съ четырьмя матросами освобождаются изъ плѣну и что мы приходили не воевать съ японцами, а договориться на счетъ торговли, какимъ товаромъ сподручнѣе торговать намъ между собою, а они обманомъ захватили васъ въ плѣнъ; если-бы нашъ царь да захотѣлъ воевать съ ними, то онъ послалъ бы на нихъ не одинъ корабль, а двадцать кораблей; по этому скажи имъ, чтобы отпустили васъ, а если не отпустятъ, то можетъ произойти имъ отъ того великая непріятность и разореніе ихъ домамъ. Получивши такое письмо, кунаширскій начальникъ не только мнѣ не отвѣтилъ, но даже обманулъ меня, сказавъ, что вы всѣ убиты! Живъ ли ты, любезный другъ, и какъ пожившись съ твоей вѣрной командой, я ничего не знаю, подай о себѣ вѣсточку.

Если японцы не позволятъ тебѣ отвѣчать на мое письмецо, то надорви въ немъ слово *живъ* и верни письмо назадъ, я по крайности буду знать, что ты еще не умеръ“.

„Другое письмо было къ Муру отъ его товарища Рудакова. „Любезный Муръ, мы всѣ здоровы, не знаю какъ вы поживаете. Рикордъ посылалъ узнавать живы-ли вы, а ему отвѣтили, что вы всѣ убиты. Мы думали, что это правда и захотѣли въ отместку наказать японцевъ“.

„Напали на ихъ судно и взяли въ плѣнъ много японцевъ и одного купца (Кахи); когда же мы узнали, что вы живы, то задержали всего пять японцевъ а остальныхъ отпустили. Слѣдующимъ лѣтомъ придемъ за вами и не вернемся изъ Японіи, пока васъ не выпустятъ изъ плѣну. Желаю вамъ всякаго счастія, благополучія и здоровья. Рудаковъ“.

Это были первыя письма, которыя плѣнники получили отъ своихъ товарищей. Они очень обрадовались имъ: „знать про насъ не забыли, говорили они, можетъ приведетъ Богъ еще побывать на своей сторонушкѣ“. Потомъ Головнинъ перевелъ эти письма черезъ курильца Алексѣя на японскій языкъ, а японцы отослали ихъ къ своему царю. „Правда ли, спрашиваетъ ихъ Головнинъ, что кунаширскій начальникъ обманулъ Рикорда, сказавъ, что мы убиты?“ Тѣ сказали: „не знаемъ, можетъ и правда“. „А какъ вы думаете, хорошо поступилъ онъ, обманувъ Рикорда?“ Японцы сказали: „мы думаемъ—что не хорошо“.

Послѣ этого японскій губернаторъ позвалъ Леонзаймо и сталъ его допрашивать: „хорошо ли живутъ русскіе и какъ съ тобою обходились?“

— „На сибирской сторонѣ народъ русскій живетъ бѣдно-пребѣдно, земля-то у него плохенькая, вотъ онъ и хочетъ все воевать съ нами, чтобы отнять наши земли!“ „Почему ты такъ думаешь?— спрашиваютъ японцы.—„А вотъ почему: примѣрно, если мальчикъ найдетъ палку на улицѣ, то сейчасъ начинаетъ выдѣлывать съ нею разныя штуки будто солдатъ съ ружьемъ, а какъ соберутся ихъ нѣсколько ребятъ, построятся въ шеренги (ряды) и маршируютъ какъ заправскіе солдаты, а солдаты въ барабаны бьютъ и изъ ружей палятъ.—противъ кого же имъ идти какъ не противъ насъ!“.

Японцы ему говорятъ: „солдатъ обучаютъ ружью, ребята, на ихъ глядя, себѣ потѣшаются, а ты толкуешь про войну, ахъ ты дурень, дурень! А что тебѣ понравилось больше въ Иркутскѣ?“—„Мнѣ понравился, говоритъ, въ Иркутскѣ гостинный дворъ, гдѣ купцы товаромъ промышляютъ, и церкви у нихъ хорошія, тамъ завсегда собирается много народу смотрятъ на картины“.

— „А много ли улицъ въ Иркутскѣ?“—„Не знаю, не ходилъ по городу“.—„Развѣ русскіе не позволили тебѣ ходить по городу?“—„Не только позволили, но губернаторъ приказывалъ даже почаще ходить на прогулку, потому, говоритъ, что отъ прогулки здоровѣетъ человѣкъ“.—„Зачѣмъ же ты

ихъ не послушалъ и не высмотрѣлъ всѣ порядки ихніе, чтобы намъ пересказать?“ — „Я одинъ боялся ходить по ихъ улицамъ.“ — „Ну, разскажи какъ русскіе праздники справляютъ?“ — „А вотъ какъ: — разъ иркутскій губернаторъ говоритъ мнѣ: „если хочешь нашъ народъ видѣть — ступай къ рѣкѣ“. Я пошелъ. Прихожу — народъ стоитъ у рѣки, священники поютъ и что то въ воду опускаютъ, (это было на крещеніе), музыка играетъ, солдаты въ барабаны бьютъ. Вдругъ какъ запалятъ разомъ, я перепугался, побѣжалъ домой; съ того дня отпала у меня охота ходить по улицѣ, глядѣть русскій народъ“. — „Вижу, ты совсѣмъ дуракъ, говоритъ буйносъ, какъ же не хотѣть поглядѣть, какъ русскіе къ празднику убираются. Что же ты дома дѣлалъ?“ — „Я, говоритъ, записывалъ что видѣлъ“. — Всѣ стали смѣяться. — „Что же ты записывалъ, когда ничего не хотѣлъ видѣть?“. Долго еще онъ разсказывалъ имъ всякія небылицы: какъ русскіе купцы обманываютъ китайцевъ и японцевъ, какъ ему плохо жилось въ Сибири и нечего было ѣсть, какъ разъ онъ вздумалъ бѣжать, и укралъ русскую икону и побѣжалъ. Прибѣжалъ къ китайской границѣ, китайцы хотятъ его схватить, онъ показалъ икону и говоритъ: „это самъ китайскій императоръ“; они повѣрили его обману и отпустили. Да не долго онъ странствовалъ, русскіе опять его поймали и привели назадъ. Много онъ болталъ всякой всячины, только ему уже не вѣрили и перестали слушать.

Въ Іеддо, главномъ городѣ японцевъ, собрался большой совѣтъ; сошлись старики и стали думать: „если русскій корабль придетъ за плѣнниками, то пускать ли его къ берегу или нѣтъ?“

Всѣ говорили: — „сюда его не слѣдъ пускать: по нашему закону чужестранные корабли могутъ заходить только въ городъ Нангасаки, а къ другимъ городамъ и островамъ приставать они не смѣютъ, — иначе, законъ велитъ задерживать корабли, а людей по вѣкъ держать въ неволѣ“. Старшій буйносъ, что держалъ руку Головнина, сказалъ: „вы все говорите про законъ, нешто этотъ законъ Богомъ писанъ, если бы Богъ его создалъ, по тому дѣлу такъ и быть, а то не Онъ, а вы его создали. Если солнце, луна и звѣзды перемѣняютъ свое мѣсто, люди помираютъ, царства разрушаются, и все въ жизни перемѣнчиво и имѣетъ свой конецъ, а вы хотите, чтобы законъ вашъ не перемѣнялся“. Японцы видятъ, что буйносъ говоритъ дѣло, всѣмъ сходомъ постановили позволить въ этотъ разъ зайти кораблю въ городъ Хакодате.

Если же Рикордъ пріѣдетъ и не привезетъ повинной отъ Хвостова, то къ берегу его не подпускать.

Японцы велѣли Головнину отписать объ этомъ рѣшеніи Рикорду. Когда письмо было готово, Василій Михайловичъ Головнинъ написалъ отъ себя: „мы всѣ, слава Богу, живы и здоровы“.

VII.

Когда Муръ узналъ, что письмо отвезетъ не онъ, а матросы, то съ досады сказалъ: „если меня не отпустите, то скорѣе погибнете, чѣмъ вступите на корабль!“ „Какъ такъ? отчего мы должны погибнуть, спросилъ Головнинъ“. „Я уже знаю отчего! Это мое дѣло“. На это Головнинъ ему сказалъ: „японцы распорядились послать нашего матроса, значитъ на то была воля ихъ начальства, а просить за тебя я не могу“.—„А коль скоро такъ, то будете меня помнить“.

Утромъ Муръ опять присталъ къ Головнину,— отпусти его да отпусти: „я узналъ, говоритъ онъ, что японцы хотятъ обманомъ залучить Рикорда съ матросами на берегъ и задержать ихъ; а если ты меня первымъ отпустишь на корабль, то я устрою такъ, что ничего этого не будетъ“. „Кто сказалъ тебѣ, что японцы замышляютъ противъ насъ такое дѣло?“ „Это мнѣ сказалъ караульный“.—„Не вѣрю я, чтобы японскій караульный сталъ бы на своихъ, на японцевъ, паговаривать, а по мнѣ какъ Богу угодно, пусть такъ и будетъ, чему быть того не миновать“. Матросы отъ такихъ словъ Мура запечалились, стали упрашивать, чтобы онъ не ту-

билъ ихъ, потому что зла его не помнятъ.—„Какъ не помните? а забыли, что сказалъ мнѣ матросъ Шкаевъ на допросѣ: „что вы дѣлаете, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, или вы думаете, что мы такъ ужъ и не встрѣтимся въ Россіи“; вотъ, что онъ мнѣ сказалъ. а вы говорите, что зла не помните. Такъ я вамъ и повѣрю. Теперь мой чередъ, а вашъ чередъ еще придетъ“. Съ этого времени Муръ только и старался, чтобы помѣшать плѣнникамъ вернуться на родину. Онъ то и дѣло говорилъ японцамъ: „не вѣрьте Головнину, онъ пріятель Хвостова. когда его выпустятъ изъ плѣну, онъ будетъ нападать на ваши села и деревни“.

Разъ послѣ такой рѣчи Теске сказалъ ему: „развѣ можно на своихъ товарищей такіе поклёпы взводить, никакъ ты съ ума спятилъ!“—„Нѣтъ, я съ ума не спятилъ, а я дѣло говорю“. „Ну, если ты и дѣло говоришь, такъ поздно его задумалъ, потому что, если бумага придетъ, то наше начальство задерживать васъ не станетъ“.

Муръ видитъ, что и Теске противъ него, говоритъ: „веди меня къ губернатору, я ему всю правду разскажу“.

Теске разсердился, и ушелъ отъ него, не сталъ съ нимъ разговаривать. Приходитъ къ Головнину и говоритъ: „Муръ никакъ рехнулся, или задумалъ нехорошее“.—„Откуда это нашло на него?“ „Вотъ видишь ли, -говоритъ Теске,—когда ты задумалъ съ Хлѣбниковымъ и съ двумя матросами бѣжать,

Муръ воспрепятствовалъ этому и подговорилъ другихъ матросовъ не слушаться. Когда же тебя поймали, онъ потребовалъ, чтобы тебя наказали, потому что ты есть главная причина ихняго несчастія; только японцы его совѣты ни во что не ставили; теперь онъ прослышалъ, что васъ скоро отпустятъ на волю, ему и зазорно ворочаться въ Россію. Онъ хочетъ остаться здѣсь и проситься къ намъ на службу, а мы не можемъ его принять; по нашимъ законамъ чужестранныхъ людей нельзя нанимать на работы. Муръ видитъ, что остаться у насъ нельзя, да и у васъ его не похвалятъ за такое поведеніе, и вотъ нарочно мутитъ, чтобы васъ не выпускали изъ плѣну».—«Отчего же онъ просится первымъ на корабль ѣхать?». «А вотъ видишь ли, онъ думаетъ, если первымъ поѣдетъ на корабль и наскажетъ про васъ всякихъ небылицъ, такъ тамъ ему и повѣрятъ, а послѣ вашему слову вѣры не дастся. По моему бояться вамъ нечего, наше начальство очень вами довольно, а особливо Рикордомъ за то, что онъ хорошо обошелся съ нашими матросами и съ купцомъ Кахи».

Разъ Муръ говоритъ Теске: «я вижу, что теперь я пропащій человѣкъ». «Почему такъ?»—спросилъ онъ. «А потому, что вы не принимаете меня на службу, а въ Россію вернуться нельзя».

— «А почему нельзя?»

«Потому нельзя, что противъ товарищей шелъ и просился къ вамъ на службу, и хотѣлъ даже къ

вашему губернатору въ слуги идти. Когда товарищи мои разскажутъ это въ Россіи, то меня присудятъ къ каторгѣ. Зачемъ же мнѣ туда ѣхать?» Теске уговаривалъ его, не взводить на себя такихъ напраслинъ потому, что товарищи его ничего про него дурного не думаютъ, и не говорятъ. «А ты только затосковался въ неволѣ, оттого ты немного умомъ помутился и сталъ говорить какъ больной человѣкъ, а съ больного и взыскивать нельзя, мало ли, что онъ наскажетъ про себя». А Муръ еще пуще городитъ вздоръ. Разсказываетъ, будто японскіе приказные по ночамъ сидятъ на крышѣ и попрекаютъ его за то, что онъ задаромъ ѣстъ ихъ пшено и пьетъ ихъ кровь, и будто Хлѣбниковъ и Головнинъ хотятъ его убить. Головнинъ видитъ, что дѣло не ладно, отписалъ обо всемъ Рикорду:—«Муръ помутился въ умѣ, не знаетъ, что и говоритъ, взводитъ на насъ и на себя всякую небылицу. Будьте осторожны—на берегъ японскій не сходите, а договаривайтесь на лодкахъ, не равно возьмутъ васъ въ плѣнъ, какъ насъ взяли». Каждому матросу далъ по такой записочкѣ и велѣлъ зашить ее въ фуфайку, чтобы японцы не нашли. «Если которому изъ васъ придется побывать на кораблѣ, то не забудьте отдать ее Рикорду». Муръ сталъ чудить еще больше, то схоронится отъ товарищей, то дня по три ни съ кѣмъ не говоритъ, а если съ нимъ кто заговаривалъ, то онъ отмалчивался; по цѣлымъ днямъ ничего не ѣлъ, а станетъ ѣсть, то ѣстъ за пятерыхъ. Японцы

видятъ, что онъ ходитъ какъ самъ не свой и можетъ надъ собою сдѣлать что-нибудь не доброе, стали за нимъ примѣчать. Когда матросы лягутъ спать, караульный подойдетъ къ кровати Мура и слушаетъ—дышетъ онъ или нѣтъ, если покажется, что не дышетъ, то отдернетъ одѣяло, припадетъ къ его груди и опять прислушивается и слушаетъ до тѣхъ поръ, пока не увѣрится, что онъ дышетъ. Ему не давали ни огня, ни ножа, ни ножницъ, унесли всѣ веревки изъ его комнаты, боялись, чтобы онъ не убилъ себя. Муръ видитъ, что всѣ за нимъ примѣчаютъ, сталъ еще скучнѣй. Когда онъ узналъ, что матросъ Симоновъ и курилецъ Алексѣй идутъ на корабль, то послалъ сказать Рикорду, чтобы тотъ прислалъ ему его вещи.—Головнинъ провѣдалъ и отсовѣтовалъ Симонову сказывать о томъ Рикорду. Съ матросами пошли на корабля чиновникъ Самней и переводчикъ Кумаджеро.

Головнинъ съ командой долго ихъ поджидали, имъ хотѣлось скорѣе услышать, что нибудь про своихъ товарищей. Дня черезъ два матросы вернулись Всѣ набросились на ихъ: «ну какъ, что, всѣ ли живы,—спрашиваютъ,—что новаго въ нашей сторонѣ?»

„А вотъ что,—говоритъ Симоновъ:—Французъ съ тремя земляками напалъ на насъ, русскихъ, у Смоленска (это было въ 1812 году), мы ему задали передрягу и нѣсколько тысячъ положили на мѣстѣ, только онъ не простъ былъ, обошелъ насъ

и засѣлъ въ Москвѣ, а что послѣ этого было—не вѣдаю, больше мнѣ ничего не сказывали, знать не получали извѣстій". Этотъ Симоновъ былъ на память коротокъ и многое забывалъ, что ему разсказывали, поэтому ему не повѣрили, говорили, „гдѣ ему, французу, взять Москву?"

Японцы узнали отъ голландскихъ купцовъ, что французъ занялъ почти половину Россіи, но самую Москву, что русскіе сожгли ее, чтобы она не досталась непріятелю. Матросы говорили: „можетъ ли это быть, чтобы наши Москву отдали?"

Разъ плѣнниковъ привели къ губернатору, въ хоромахъ его собралось много народу. Губернаторъ досталъ изъ кармана бумагу и сказалъ: „отъ царя нашего полученъ приказъ о томъ, чтобы, какъ только придетъ отъ Иркутскаго губернатора бумага, освободить васъ изъ плѣну".

Съ того дня отвели имъ просторную избу и стали ихъ лучше кормить и одѣвать; за обѣдомъ имъ прислуживали нарядные мальчики, и приходили къ нимъ японскіе чиновники съ женами и съ дѣтьми, и поздравляли съ царскою милостью и на прощаньи писали имъ на бумажкѣ на память, примѣрно вотъ что: „чиновникъ Самней прощается съ Головнинымъ и съ его командой и желаетъ имъ счастливаго пути"; купеческій старшина отъ всѣхъ купцовъ принесъ имъ въ подарокъ ящичекъ всякихъ сластей. А плѣнники подарили японцамъ на память книги и всякія вещицы. Японцы отказались взять

подарки, сказавъ, что безъ позволенія начальства не смѣютъ отъ чужестранцевъ принимать подарки.

Дня черезъ два русскихъ отправили въ городъ Хакодате, куда долженъ былъ придти корабль „Діана". Народу сбѣжалось видимо-невидимо, всѣ отъ мала до велика вышли провожать ихъ и проститься съ ними.

Когда русскіе вышли за городъ, ихъ пустили идти по своей волѣ, кто какъ хочетъ: кто верхомъ, кто пѣшкомъ. Ихъ провожали много конныхъ и пѣшихъ людей. Они шли той-же самою дорогою, по которой ихъ вели, когда въ плѣнъ взяли. Дорогой Муръ часто заливался слезами.—„Всѣ радуются, говорилъ Головнинъ, а ты плачешь! развѣ это можно?" А Муръ говорилъ: „я плачу объ васъ, японцы ведутъ насъ на вѣрную смерть!" Головнинъ и Хлѣбниковъ не вѣрили сму, а матросы испугались, чтобы и взаправду не случилось чего. Черезъ три дня пришли въ городъ Хакодате, народъ во множествѣ вышелъ на берегъ глядѣть на нихъ.— До прихода корабля, плѣнниковъ помѣстили въ одномъ домѣ, подлѣ крѣпости. Каждый день ихъ навѣщали знатные японцы; Теске и купаширскій начальникъ приходили къ нимъ каждый день. Всѣ стали съ нимъ ласковѣе, а купаширскій начальникъ просилъ не гнѣваться на него за то, что онъ выдумалъ, что русскіе убиты".

VIII.

Разъ переводчики объявили русскимъ, что у мыса показалось трехмачтовое судно. Утромъ весь народъ высыпалъ на улицу смотрѣть, какъ входитъ въ гавань русское судно.

Японцы удивлялись—какъ такое большое судно идетъ за вѣтромъ и противъ вѣтру. Судно стало подходить къ берегу все ближе и ближе. Каждую минуту японцы забѣгали спрашивать Головнина то про одно, то про другое, примѣрно: „отчего судно идетъ, а не видать, кто управляетъ имъ?“ Или, „отчего такъ много парусовъ? и гдѣ строили это судно. И много ли верстъ оно сдѣлаетъ въ одинъ часъ?“

Часа черезъ два съ корабля пришла желанная бумага. Въ ней было сказано, что Хвостовъ самовольно напалъ на японскія селенія и что отъ русскаго начальства на то приказу не было, а русскій императоръ всегда жаловалъ японцевъ и никакого зла имъ не желалъ, да и дѣлать не хотѣлъ, а потому, если японское начальство хочетъ показать свое доброе расположеніе къ Россіи, то пусть немедля освободитъ плѣнныхъ“.

Какъ-то охотскій начальникъ провѣдалъ, что буйносъ выговаривалъ кущу Леонзаймо за то, что онъ, будучи въ плѣну у русскихъ, мало чему вы-

учился, и сталъ за него просить: „не обижайте, говорилъ, его за его простоту. Онъ человѣкъ смирный и никому у насъ не сдѣлалъ зла“. Это письмо очень поправилось японцамъ; „вотъ, говорятъ, пусть наши старики, что сидятъ въ столицѣ (главномъ городѣ), послушаютъ, какъ пишетъ русскій, они обзываютъ ихъ чуть не медвѣдями и дикарями, а русскій такой-же добрый народъ, какъ и мы, видно тамъ пишутъ не хуже нашего“.

Японцы потребовали, чтобы Рикордъ шелъ договариваться на берегъ. Головнинъ, прослышавъ объ этомъ, боялся, чтобы Рикордъ не дался въ обманъ. Пока шли переговоры, у Головнина душа была не на мѣстѣ, а когда ему сказали, что Рикордъ благополучно отъѣхалъ назадъ, онъ не повѣрилъ,—влѣзъ съ матросами на вышку и оттуда сталъ смотрѣть, на свой корабль и на отъѣзжавшую отъ берега лодку; только онъ не могъ разсмотрѣть, кто такіе сидѣли въ лодкѣ, далеко было. Когда до Мура дошло, что пришолъ русскій корабль и что лодка подходила къ берегу, то онъ сдѣлался еще печальнѣе и уговаривалъ японцевъ не отпускать его на корабль. Японцы узнали отъ Рикорда, что фрашцузы и вправду взяли Москву, только не долго тамъ сидѣли и съ великимъ урономъ бѣжали изъ Россіи. Плѣнники не знали какъ это случилось. Съ позволенія японцевъ, Головнинъ написалъ Рикорду, чтобы тотъ прислалъ ему всѣ газеты, гдѣ писали про войну русскихъ съ фрашцузами. На другой день

Головнинъ получилъ цѣлую пачку газетъ и писемъ. Плѣнники бросились на нихъ какъ голодные; за два года набралось таки повостей. Японцы пожелали тоже узнать—чѣмъ окончилась эта война. Головнинъ, прочитавши газеты, говоритъ: „и бороться съ французомъ было трудно, онъ собралъ въ пять разъ больше войска, чѣмъ у насъ было; съ перваго разу драться съ ними нельзя было. Наши стали уходить въ глубь Россіи, отдали Смоленскъ, отдали Москву и зажгли ее съ разныхъ концовъ, чтобы не доставалась непріятелю. А какъ подошли холода, французу плохо — не въ чемъ обуться, одѣться, припасовъ тоже нѣтъ, видятъ дѣло плохо, не успѣть имъ въ Москвѣ, и пошли на утекъ; а князь Кутузовъ-Смоленскій сталъ имъ поперегъ дороги; Наполеонъ, начальникъ-то французскій, растерялся: побросалъ свое войско и убѣжалъ во Францію, а солдаты его почесть всѣ пропали: кто отъ голоду, кто отъ холоду, кто отъ пули, а которые уцѣлѣли, тѣхъ въ плѣнъ взяли, мало кто на родину вернулся“.

Японцы съ радости захлопали въ ладоши; „вашъ князь смоленскій, сказали они, молодецъ-молодцомъ, онъ сдѣлалъ это совсѣмъ по-японски,—у насъ такое правило: прежде непріятеля замани, а потомъ разомъ на него наскочи и бей чѣмъ попало“.

Нарапѣ японскіе начальники зазвали Головнина и Мура къ себѣ въ домъ.—Муръ не захотѣлъ идти, Головнинъ пошелъ. Немного погодя туда пришелъ и

Рикордъ. Когда Головнинъ увидалъ нежданно-негаданно друга своего, то кинулся его обнимать. Отъ радости они не знали съ чего начать говорить и закидали другъ друга вопросами. — Рикордъ спрашивалъ какъ ему въ плѣну жилось, а тотъ хотѣлъ знать, что въ Россіи дѣлается. Когда наговорились и насмотрѣлись другъ на друга, Головнинъ заговорилъ о дѣлѣ. Японцы велѣли сказать, что непріязни къ намъ русскимъ они не имѣютъ, а подарковъ, пожалованныхъ имъ губернаторомъ, они принять не могутъ и просятъ за это не обижаться. Рикордъ говоритъ: «чего тутъ обижаться,—не хотятъ, ну, и дѣлу конецъ. А вотъ что, скажи, гдѣ намъ зиму зимовать, назадъ плыть—время поздпее, не захватили бы въ морѣ бури, лучше бы здѣсь остаться?» — «По моему, говоритъ Головнинъ, зимовать здѣсь не слѣдъ: нѣтъ удобной гаваши для стоянки, къ тому же и вѣтры сильные, могутъ сорвать корабль съ якоря, командѣ пришлось бы жить на берегу, это значило бы снова отдаться японцамъ въ руки,—нѣтъ, убраться бы отсюда поскорѣй и дѣлу конецъ, а тамъ какъ нибудь добсремся до Петропавловска».

Пока они разговаривали японцы потчивали своихъ гостей чаемъ и разными сластями; пришло время разстаться. Головнинъ проводилъ Рикорда до самой шлюпки и вернулся домой.

Поутру переводчики принесли Головпину, Хлѣбникову и Муру ихъ шляпы и сабли, и сказали, чтобы они одѣлись каждый въ свой мундиръ (офи-

церскій сюртукъ) и явились къ буйносу. Они побрились, пообчистились, одѣлись кто во что могъ, и въ полдень явились во дворецъ къ губернатору: офицеровъ собрали въ одну комнату, а матросовъ въ другую. Въ первой комнатѣ на стульяхъ сидѣло до двадцати японскихъ чиновниковъ; русскихъ посадили противъ нихъ. Когда вошелъ губернаторъ, всѣ встали и поклонились, онъ тоже поклонился. Губернаторъ досталъ изъ за пазухи бумагу, поднялъ ее вверхъ и сказалъ: «Это приказъ отъ нашего царя».—Всѣ японцы смиренно склонили головы и закрыли глаза. Послѣ этого онъ развернулъ бумагу и сталъ читать по-японски; прочитавши, сѣлъ на свое мѣсто и велѣлъ переводчику перевести эту бумагу по-русски. Переводчикъ взялъ бумагу и началъ переводить: «капитанъ Хвостовъ былъ причиной, что васъ взяли въ плѣнъ; когда губернаторъ увѣрился, что Хвостовъ поступилъ самовольно и вы въ его дѣлахъ не повинны, то по приказанію высшаго начальства онъ отпускаетъ васъ на волю и велитъ вамъ завтра же собраться и отъѣхать на свой корабль».—Когда переводчикъ кончилъ, губернаторъ спросилъ офицеровъ: «понятно ли имъ прочли?» Головнинъ сказалъ: «все понятно».

Тогда Кумаджеро пошелъ къ матросамъ, и сталъ читать имъ волю. Послѣ этого губернаторъ вынулъ другую бумагу и велѣлъ Теске перевести ее по-русски. Теске прочелъ: «господинъ Головнинъ, поздравляю васъ и вашу команду съ освобожденіемъ отъ

плѣна, вы скоро вернетесь на родину. Вы знаете, что наши законы запрещаютъ намъ вести съ чужеземцами торговлю и повелѣваютъ корабли ихъ удалять силою отъ берега. Когда пріѣдете въ Россію, объявите объ этомъ всѣмъ русскимъ; дабы остерегались подходить къ нашимъ владѣніямъ. Не вините насъ, что мы задержали васъ. У каждаго народа есть свои законы, которымъ онъ повинуется, а съ тѣмъ желаю вамъ благополучнаго пути».

Плѣнные поблагодарили губернатора за его ласковыя слова. Когда онъ ушелъ, они вернулись въ свой домъ. Сюда приходили японскіе чиновники поздравлять ихъ съ освобожденіемъ.

Старшій священникъ получилъ отъ губернатора приказъ,—пять дней служить молебенъ о благополучномъ возвращеніи русскихъ на родину.—Напослѣдокъ японскіе начальники зазвали русскихъ и устроили имъ угощеніе: понаставили девять кушаньевъ, всякую рыбу, дичь, гусей, утокъ, потчивали сагой, рисомъ, принесли нѣсколько ящиковъ фарфоровой (самой чистой глины) посуды и роздали имъ на память. Уже стемнѣло, когда гости разошлись по домамъ.—На другой день русскимъ вернули ихъ сундуки съ вещами; всѣ вещи были въ сохранности, ничего не пропало. Припарядились въ лучшее платье и стали собираться въ дорогу; караульные увязали имъ постели, уложили вещи и въ полдень, когда все было готово,—ихъ повели къ берегу. Много народу шло слѣдомъ за ними, сзади несли ихъ

вещи, подарки и съѣстные припасы (50 мѣшковъ пшена, нѣсколько боченковъ саги, соленой и свѣжей рыбы и всякаго другого добра). На берегу ихъ посадили въ губернаторскую лодку, съ ними усѣлся и Кахи. Какъ только отвалили отъ берега, множество лодокъ поплыло за ними. А съ берега всѣ кричали и прощались съ ними. Подплыли къ кораблю, всѣ офицеры и матросы, которые оставались на кораблѣ, вышли встрѣчать своего стараго командира: построились въ линію и, какъ только плѣнные ступили на корабль, закричали имъ «ура!» Стали другъ друга обнимать и цѣловать. Только одинъ Муръ не радовался, онъ стоялъ печальный, понуря голову.

«Послѣ двухъ лѣтъ, двухъ мѣсяцевъ и двадцати дней привелъ Богъ опять свидѣться съ вами, дорогіе мои земляки и сотоварищи, сказалъ Головнинъ, не думалъ, не гадалъ снова попасть на корабль свой, на которомъ пять лѣтъ мы переносили всякую нужду-бѣду. Поблагодаримъ Бога за благополучное возвращеніе и за то, что всѣ остались живы и здоровы». Послѣ этихъ словъ Головнинъ велѣлъ угощать японцевъ. Два дня шло на кораблѣ угощеніе, народу перебывало видимо не видимо, всякому хотѣлось видѣть русскій корабль, и получить что нибудь отъ русскихъ на память.

IX.

На третій день поднялся попутный вѣтеръ. Распустили паруса и „Діана“ тронулась въ путь дорогу. Всѣ жители высыпали на берегъ. Теске. Кумаджеро и Кахи провожали судно на лодкахъ. Когда пришло время разстаться,—съ корабля закричали «ура!» Они отвѣтили тѣмъ-же; японцы еще долго плыли на лодкахъ, и все клапялись. Вышли въ море, корабль сталъ ихъ обгонять, они по не-многу отставали, пока наконецъ лодки, люди и весь японскій берегъ не скрылись изъ глазъ.

Въ дорогѣ Муръ все время избѣгалъ людей. Онъ надѣлъ матроскую рубашку и уходилъ въ матроское отдѣленіе, „Что вы дѣлаете, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, говорилъ ему Головнинъ, нешто пристало офицеру носить матроскую рубашку и жить съ матросами, ваше мѣсто, какъ офицера, быть съ нами, а не съ ними“.—„Мнѣ не слѣдъ, говоритъ онъ, быть между честными и благородными людьми, если и матросы стапутъ меня корить, то обижаться я не стану, по дѣломъ вору и мука“.

Послѣ трехъ-недѣльнаго плаванья корабль вошелъ въ Петропавловскій портъ (гавань), что въ Камчаткѣ. Всѣ жители были имъ очень рады, про Головнина пошелъ слухъ, что онъ умеръ, не думали, не гадали видѣть его въ живыхъ, а онъ вернулся

здоровъ и невредимъ. Всѣ размѣстились по квартирамъ. Муру досталось жить въ домѣ священника. „Можетъ священникъ успокоитъ его смущенный духъ», думалъ Головнинъ. Но сколько священникъ ни бился, ничего не могъ съ нимъ подѣлать. Священникъ говоритъ, а Муръ стоитъ себѣ и не двинется, будто прикованный къ мѣсту. А то убѣжитъ въ баню, или амбаръ и разревется тамъ какъ дитя. Плачетъ, плачетъ, не переставая, по цѣлымъ часамъ. Видно совѣсть его сильно донята.

Разъ написалъ онъ Головнину письмо: «Василій Михайловичъ! Я, говоритъ, преступникъ передъ товарищами и измѣнникъ отечеству, прошу меня уволить отъ службы, мнѣ не слѣдъ здѣсь оставаться и дѣлить съ вами хлѣбъ-соль». Головнинъ прочиталъ письмо и побѣжалъ его уговаривать: „Ѳедоръ Ѳодоровичъ, опомнитесь, что съ вами? мало-ли кого неволя до грѣха доводитъ, про то, что было, забудемъ, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Вы здоровы и молоды, можете еще выслужиться передъ начальствомъ и старое загладить».

Послѣ этого дня Муръ сталъ будто разумнѣе, и духомъ покойнѣе. Разъ онъ говоритъ Головнину: «чѣмъ дальше я отъ людей, тѣмъ лучше для меня, позвольте мнѣ удалиться на время къ камчадаламъ (полудикій народъ), здѣсь, говоритъ, живя съ вами, совѣсть меня мучитъ, а тамъ, можетъ, я забуду про свое горе». Ему позволили. Онъ купилъ себѣ оленью шкуру, сдѣлалъ платье и сталъ ходить на охоту. Онъ былъ отличный стрѣлокъ. А чтобы съ

нимъ чего на охотѣ не приключилось, ему дали въ провожатые солдата, который несъ за нимъ ружье. Если онъ замѣчалъ гдѣ птицу или звѣря, то сейчасъ подавалъ ему ружье и Муръ стрѣлялъ. Разъ Муръ пошелъ на охоту. Время пришло обѣдать идти. Вотъ онъ и говоритъ своему провожатому: «ступай, братецъ, обѣдать, не бойся за меня, если бы я хотѣлъ съ собою покончить, то и дома могъ-бы это сдѣлать». Солдатъ ушелъ.

Прошло не мало времени,—Мура нѣтъ. Солдатъ пошелъ его отыскивать. Приходитъ къ тому мѣсту, гдѣ его оставилъ, видитъ, лежитъ не Муръ, а тѣло его, уже бездыханное и окоченѣлое. Кругомъ кровь, подлѣ ружье, въ груди рана. Когда стали смотрѣть, нашли въ его сердцѣ два куска свинцу. Не въ терпежъ стала бѣдняку жизнь, онъ и покончилъ съ собою.

Офицеры сдѣлали складчину и похоронили его на свой счетъ.

На могилѣ поставили памятникъ, а на памятникѣ сдѣлали надпись:

„На семъ мѣстѣ погребено тѣло
флота мичмана *).
Ѳедора Ѳедоровича Мура.
скончавшагося въ Петропавловскомъ портѣ
22-го ноября 1813-го года“.

Смерть успокоила несчастнаго. Люди добрые! помяните его добрымъ словомъ **).

*) Значитъ морскаго офицера.
**) Этотъ памятникъ построенъ офицерами шлюпа Діаны.

Передъ Николой зимнимъ Головнинъ поѣхалъ въ Петербургъ. До города Охотска онъ ѣхалъ на собакахъ, потомъ до Якутска верхомъ на оленяхъ, потомъ на лошадяхъ, а потомъ санями отсюда до Иркутска, а отъ Иркутска лѣтнимъ временемъ до самаго Петербурга повозкой на почтовыхъ. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ послѣ Петрова дня, значитъ пробылъ въ дорогѣ семь мѣсяцевъ, проѣхавъ слишкомъ 12,000 верстъ

Государь Александръ Павловичъ повысилъ Головнина, Рикорда и всѣхъ прочихъ офицеровъ чинами, и пожаловалъ Головнину и Рикорду изъ своей казны деньгами по 1500 рублей каждый годъ, по день ихъ смерти. Кромѣ того приказалъ напечатать на царскій счетъ записки Головнина про плѣнъ въ Японіи; а матросамъ было выдано годовое жалованье не въ зачетъ ихъ службы, курильцу Алексѣю за его усердіе велѣно выдавать каждый годъ по 20-ти фунтовъ пороху и 40 фунтовъ свинцу.

Года черезъ три Государь отправилъ Головнина въ новое кругосвѣтное плаваніе. Въ этотъ разъ путешествіе сошло ему съ рукъ благополучно. Онъ побывалъ въ южной Америкѣ, посѣтилъ Африку и зашелъ въ Камчатку, гдѣ засталъ губернаторомъ своего друга Рикорда. Они рады были еще разъ видѣться другъ съ другомъ.

Черезъ два года, окончивъ свое плаваніе, онъ вернулся въ Петербургъ. За его усердіе Государь пожаловалъ ему чинъ адмирала (морского генерала)

и назначилъ его главнымъ командиромъ надъ всѣми строющимися кораблями. За семь лѣтъ его управленія было выстроено около 200 большихъ и малыхъ кораблей. Ему бы только жить да поживать да служить на пользу своей родинѣ, какъ вдругъ въ 1831 году появилась въ Петербургѣ холера, отъ той самой холеры приключилась ему болѣзнь и въ нѣсколько часовъ человѣка не стало. Онъ умеръ на 54 году своей жизни.

Послѣ того, что описано въ этой книгѣ прошло безъ малаго сто лѣтъ. За это время жизнь японцевъ, русскихъ и вообще всѣхъ народовъ очень перемѣнилась.

Русскіе люди лучше узнали японцевъ и подружились съ ними. Мы узнали, что японцы народъ понятливый и трудолюбивый. Многіе изъ нихъ стали переходить въ христіанскую вѣру, ѣздить въ чужія страны, чтобы научиться разнымъ наукамъ и ремесламъ.

Въ свою землю японцы также стали пускать купцовъ, ученыхъ и путешественниковъ изо всѣхъ странъ.

Жизнь японскаго народа подробно описана въ книгѣ «Японія и Японцы» изъ «Читальни Народной Школы» за 1889 г., Спб. (Цѣна 12 к.) Книгу эту очень стоитъ прочесть.

Да,—жизнь всѣхъ народовъ сильно измѣняется: все больше и больше понимаютъ люди, что не враждовать имъ слѣдуетъ между собой, а вмѣстѣ работать и перенимать другъ у друга все хорошее.

Конецъ.

Японцы слушаютъ христіанскаго проповѣдника.